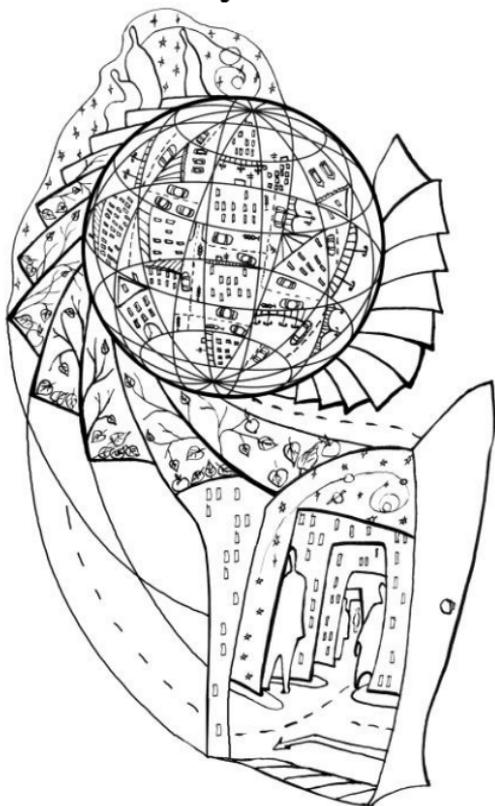

Михаил Фридман
ПРИБЛИЗИТЕЛЬНАЯ
ТОЧНОСТЬ

**Мечты и чаянья в метафорах и
звучах**

Москва
2010

Чермену Дудати

Поэты отличаются печалью –
Томленьем отцветающей души,
Глумящейся над чопорной моралью,
Которую нельзя перегрешить.

Поэт не разглагольствует над кубком,
Ему секрет молчания открыт.
Поэта отличают по поступкам,
Что в ратный подвиг превращают быт.

Не нужно слов, не нужно междометий –
Мимические мышцы тоже лгут.
Поэт всегда, в любом дуэте – третий:
Нет ничего страшнее, чем уют.

Его талант всю жизнь ему обузой:
Один своей печалью кормит всех.
Оуклится и обратится музой
Душа, умом введённая во грех.

Все люди умирают в одиночку.
Живёшь один и грезишь об одном:
Когда и где, и как (!) поставишь точку,
Посеешь точку тенью в свой бином.

Дойдёшь до совершенства идеала
Дорогой, не известной никому,
Нашупав Слово, ставшее началом

Павлу Фахртдинову

Чего не хватает для полного счастья
монаху?
Гарантий от Бога о том, что он есть
и спасёт?
Прожить, как баран, с ощущением,
что Кто-то пасёт.
Не проще ль послать
этих пастырей добрых к Аллаху?

Полно артефактов, имеется масса улик,
Что мир был до нас
и едва ли уйдёт вместе с нами.
Мы верим кресту, полумесяцу
и пентаграмме:
Наш Бог не по божьим –
по нашим масштабам велик!

Монах – это тот,
кто отрёкся от мира для Бога,
Кто предал себя,
кто свободу на честь променял.
Монах – это тот,
кто нашёл в себе свой идеал,
И кто стал писателем
собственного некролога.

Монаху нельзя состоять
ни в каких орденах:

Душа – его храм,
Плоть – его обветшалаая келья.
Его вдохновение перерастает в похмелье,
В похмелье стихами:
ПОЭТ – ЭТО ТОТ ЖЕ МОНАХ.

Елене Гребенской

Перелететь, чтоб спеть и свить гнездо,
Таскать червей и с вороньём тягаться.
Прождать всю жизнь и так и не дожждаться
Невытянутой в песне ноты “до”.

Быть чудом в перьях, расточать таланты
На орнитологов. За их ликбез
Отдаться покорению небес
В агонии парящего бельканто.

Летать и думать: для чего даны
Мне голос, крылья с дивным опереньем?
В чём смысл жизни: стать стихотвореньем
Или дожить до будущей весны?

Махачу Вердиеву

Человек – в плену стереотипов.
Малодушие заразно, но
Выбирать и страшно и смешно.
Комплексы! Решающий – Эдипов!

Служишь и Минерве и Мамону –
Выбрать сложно: служишь двум богам.
Крест – на шее, в голове – лингам:
Голова – и та – стремится в лоно.

Вычти из ноля четыре – ноль?
Прав Паскаль! Что от ноля отнимешь?!
Ноль – не просто цифра, это имидж:
Джокер-шут сильнее, чем король.

Наши ощущения – не боги!
Логос – в уточнении часов.
Ничего нет – прав Жан Жак Руссо –
Мелочнее нанотехнологий!

Как ни тужься, не найдёшь ответа:
Можем ли познать мы этот мир
Гравитирующих чёрных дыр
В бликах звёзд надуманного света?

Павлу Серебрякову

Поправился, отмучавшись в больнице,
Вдали от шила неотложных дел.
Вес взят! И эскулап ночами снится:
“Поправился! А лучше б похудел”.

Уколами истыкан в куклу Вуду,
Физиономия кислее, чем лимон.
Молю врача: “Я больше есть не буду”.
Почти святой, почти Пантелеймон.

Я заточён в просторную палату,
Где узнику спасением тетрадь,
Но доктор твёрд: дал клятву Гиппократу.
Он дал, а я не знаю, как забрать.

Залечит до смерти меня – не лень же!
Вдруг похудею хоть чуть-чуть – до ста.
Но палиндромом фразы
 “ЕШЬ НЕ МЕНЬШЕ”
Мне пахнет с кухни мамина плита.

Юрию Манукову

Кто молча внемлет, потирая руки,
Резиновой ухмылкой светясь,
Тот знает о сомнительной науке
О том, как в князя превращают грязь.

От жалости к себе всё зло на свете:
Лень, зависть, жадность, ханжество и гнев.
И малодушие там ставит сети,
Где вол, орёл и огнегривый лев.

Я с нетерпением набухших почек
Мозг разрушаю: мозг – мой Карфаген.
Кто рассчитал объёмы винных бочек?
Хайям? Вакх? Кеплер? Или Диоген?

От неолита до теодолита
Я сам собою познаюсь в беде,
В сравнении себя с собой. Сокрыты
От любопытства “праведных” людей

Законы моего онтогенеза:
Я сам определяю апоптоз.
Я покорил и камень и железо,
А как себя мне покорить – вопрос.

Я Вещь в себе, я весь в себе, я тайна –
Феномен аномальный для наук.
А если я сюда пришёл случайно,
Лишь для того,
чтоб в мир пришёл мой внук?

Сегодняшняя ночь запомнится надолго:
Дыханье нежных чувств
и шёпот глупых слов.
На следующий день от них не будет толка,
И будущая ночь добудет новых снов.

Что делать тем, кто ждёт
лекарства от обиды,
Кто слышал за стеной
кроватьный скрип и стон.
И музе ль укрощать свирепое либидо?
Чем призрачнее явь,
тем явственней фантом.

Попал в капкан мечты?
Не думай о пощаде.
Слова и чувства – блеф:
кто верит им, тот глуп.
О, смысл жизни! Ты
не жизнью ли украден?
На мудрость у меня свои и взгляд и зуб!

Я гроздь спелых грёз топчу двумя ногами.
Да, истина – в вине. Упившись той виной,
Я эфемерность чувств запечатлел стихами,
Чтоб в пропасти пропасть,
стена за стеной.

Могло быть хуже! Мог стать эскулапом,
Чтоб ипохондриков плацебо исцелять,
Чтоб смерть откладывать
и старость замедлять
Больным, но состоятельным сатрапам.

Но есть ли жизнь и истина, и путь
За кругом, обведённым белым мелом,
Где можно Гиппократу обмануть
И после этого греха остаться в белом?

Энверу Ульбашеву

Неужто мало поводов для грусти?
Разлука, дождь и пасмурная хлябь.
Казалось бы, хоть сам себя не грабь.
Подумаешь, нашли в цветной капусте.

Поэтому не всё, как у людей
И собственного счастья я не вижу.
И мельче бисер мой, и суп мой жиже,
И мантрой лозунг в голове “худей!”

Зачем свой бисер крохотный мечу?
Я перед тем, кто этого не стоит.
Я счастлив – это очень беспокоит –
Я быть ещё счастливее хочу.

И.Б. Ершовой

Одни мечты назло другим мечтам
Сбываются быстрее, полней и чаще.
Видать, не тот, кто ищет, всё обрящет,
А тот, кто ждёт, всего добьётся сам.

Я знаю, что не стану никогда
Тем среднестатистическим мужчиной,
Который верит: он первопричиной
Безвинно-первородного стыда.

Разлука хуже острого копья,
Вонзённого в межрёберную мышцу.
Копьё судьбы центуриона движется
В сознание по плоти бытия.

Мечты – не смысл жизни, суть ответа
На все мольбы и Яхве, и Христу.
В шестом часу, за песню до рассвета,
Зря потерял ещё одну мечту.

Я посвящён был Красною Дакиней
В секреты высшей мудрости любви.
Хоть до Мафусаила доживи –
Не изменить печать ладонных линий.

Судьба светила – в промежутке дня:
Наутро выйдет новое светило.
Моргну – и вместо “есть”

возникнет “было” –
Родео для крылатого коня.

В чём суть? Не в золотой ли середине
Благ истины, добра и красоты?
Зачем пришёл писатель-капельдинер
В анатомический театр суеты?

О, совесть! Ты, конечно, виновата!
С безжалостностью жадного огня
Рву рукопись, где Эрос и Танатос
Затеяли дуэль из-за меня.

Алексею Романову

Как страшно потерять свою мечту,
Которая стараться заставляла
И походить во всём на идеала:
Дружить не с тем и целовать не ту.

Едва справляясь со слюной во рту,
Лежу распятый в собственной постели.
Как тяжело достичь желанной цели,
Найти ответ и потерять мечту!

Мятая простынь пропахла тобою,
Мне на ней снятся душистые сны.
Всё в них зелёное и голубое,
В них мы с тобой,
 как друг с другом, честны.

В пьяных объятьях меняются мудры.
Нежность на ощупь с мечтою на вкус.
Ходит с косою под окнами утро,
Для короля в рукаве спрятав туз.

Время способно убить без оружия,
И бесполезно ругаться и ныть.
Я безалаберный и неуклюжий –
Как мне жар-птицу за хвост ухватить?

Слышу секунды сердечного боя
Ухом, прижавшимся к жаркой груди.
Мятая простынь пропахла тобою.
В омуте запахов плачу и вою,
Хоть бы во сне, только снова приди.

Искал тебя, скитаясь по пустыне,
Плутал среди манящих миражей,
Оазисов неведомой богини –
Царицы гейш, дакинй и ворожей.

Я понял, что судьбу не выбираю.
К добру ли мною нажито добро
Из матрицы потерянного рая
В силках случайной выборки Таро?

Я верю, что свобода мне под силу,
Но как освободиться от себя?
Уйти в монахи или лечь в могилу,
По Тартару на лодочке гребя?

Обшарив небо, океан и землю,
Сквозь тернии по Млечному пути,
Кряхтя, я продираюсь не за тем ли,
Чтоб жизнь потратить, чтоб тебя найти.

М.С. Хозяинову

Сижу в конторе, думая о воле,
О том, что жизнь я трачу не на то.
Себя отдал чужой научной школе,
Тогда как сам я мог бы кое-что.

Не радуется зелёными цветами
Помешанная на себе весна,
И солнце тянется ко мне руками –
Какого ему надобно рожна?!

Три дня скончалось после нашей встречи,
И сердце вторит метроному в такт.
Я безутешен: оправдаться нечем,
Моя мечта – гипотеза и факт.

Вы скажете, такого не бывает,
А я пожму плечами: да, вот так.
Наука знает всё – себя не знает.
Методология ей злейший враг.

Концептуально рассуждает гностик,
Но Абракас прощает дурачка,
А я тащу огромный мир за хвостик
Сквозь маленькую щёлочку зрачка.

Я жду, когда соскучишься по мне.
Сомнениями надвое расколот,
Я ощущаю нестерпимый голод,
Отпиршествовав в хищной тишине.

Не утолить печаль, не превозмочь –
Мир спрятался за спину занавески.
Неубедительны мечты, не вески:
Их чёрною дырой проглотит ночь.

Та ночь, что угольками в сердце тлеет,
Вальпургиева: с Лысою горой –
Которая, мне кажется порой,
Ночь Всех святых – всех! – и Варфоломея!

Соскучишься – звони мне и пиши,
Я буду здесь, у Дерева познания
Добра и Зла таинственной души,
При жизни обещавшей мне свидание.

Весь день с утра почёсываю выю:
Блин, не выходит ведь из головы.
Со мной такое, кажется впервые:
Со мной в одной постели – и на Вы.

Сомнения – крылами за плечами:
К чему такая честь – мы не в Кремле,
Я вроде не старик, не англичанин,
И вроде бы в единственном числе.

Марине Лобановой

Пустое! Жизнь не стоит наших слёз!
Где грань между хорошим и не очень.
Судьба – проезжей частью без обочин,
Три силы порознь дёргаю обоз.

Торопит жизнь: нет времени подумать
О том, как жить – родился и живи.
Оставь потомкам комплексы свои,
Промчится вечность – не успеешь дунуть.

Кто делит на сегодня и вчера
Огромный холст моей картины мира?
Всю жизнь бегу, лечу на запах сыра –
Сыра поверхность смертного одра.

Той ночи не было и впредь не будет –
Приснится же такое, чёрт возьми!
Подняться над обычными людьми,
Когда на одиночество осудят.

Меня видения и голоса
Преследуют, и колышком осинным
Безмерная любовь к трём апельсинам
Проникла в сердце. Хуже, чем коса.

Ты апельсины эти заberi –
Они напоминают о визите...
Ой, мы на Вы ведь – право, извините:
Меня замкнуло что-то там – внутри.

Без citrusов теперь не проживу!
Как пахнут! Мм-м! Ответьте же на милость,
Выходит, наша встреча не приснилась,
И ночью состоялось randevу?

Я помню сон: мне Пан играл на флейте,
Сады Семирамиды расцвели,
И ангелы меня с ума свели...
Но Вас во сне не помню – хоть убейте!

Я так и знал: ты больше не придёшь –
Зря рыщет взор мой алчущей волчицей.
Ищу слова, раскрашивая ложь,
Но стая перелётных чувств гнездится.

Я сяду тут, на берегу мечты,
Следить за жизни бешеным теченьем
И за огнём – ах, как горят мосты!
Отдам на растерзанье огорченьям

Себя – пусть истязают: всё равно!
Мечту перечеркнул своей рукою.
Тогда мне показалось, что умно
Лишить себя надежды и покоя.

Я только после понял то, что зря
Затеял фиолетовую мессу.
И жив и зряч ещё, благодаря
Коварному затишью перед стрессом.

Ты думаешь, что я тебя не стою.
Вполне возможно, так как может быть
Влюбиться – это самое простое,
Но как бывает трудно разлюбить!

Напился вусмерть, думал, будет проще
Зажмуриться от боли и вранья.
Да, человек всегда на что-то ропщет –
Понять бы мне, чем недоволен я.

Не знаю, я клянусь тебе, не знаю,
Чего ищущу, что жду я от людей.
Меня насквозь прошила мысль шальная:
Дурак налитый – редкий прохиндей.

Я сам себя обманывал жестоко:
Надежда – утешение глупцов.
Терял: потери эти – в счёт оброка,
Который платят все в конце концов.

Не говори о том, чего не знаешь:
Любовь как аллергия на пыльцу –
Поэтому смирись и не стнай уж,
Пуškai сползают слёзы по лицу.

Вокруг одни Джульетты и Офелии.
Не глуп, но их кокетства не пойму.
Моя печаль – страшнее, чем похмелье:
Я нужен сразу всем и никому.

Юлии Крещук

Я проклят навсегда печалью безответной,
И влажные глаза не видят никого.
Стараюсь быть как все – и это так заметно.
Все ищут – я один, кто видел божество.

Нашёл и потерял.
Найду ль опять – не знаю.
Изменит облик свой
и вновь придёт ко мне.
Узнаю ли его, ведь ипостась иная –
Оно защитник мой
на страшно-судном дне.

Никак не ускользнуть –
исполнится пророчество:
Я в жертву принесу себя на алтаре
Бессмысленной любви
и муки *одиночества*,
Чтоб с ночью прочь уйти на утренней заре.

Сегодняшнюю грусть
 потом отмечу смехом,
Как будто эта боль клялась тебе не мной.
Пробелы строф и строк мелькают сединой,
И вторит бой в груди
 Большому Взрыву эхом.

Сижу на крыше дня,
 смотрю на шумный мир.
Сомнения в душе мне быстро яму роют.
Здесь только муравьи
 свой коммунизм построят,
И воцарится в нём таинственный мессир.

В своей Стране Чудес я сам
 и царь и примас,
И Cosa nostra там своя, и Opus Dei –
Сидит на троне кот и починает примус,
Который сдал ему в починку Прометей.

Мяукающий бог, мурлыкающий дьявол!
Улыбочка твоя живёт своей судьбой.
Был ею ослеплён Апостол Павел – Савл –
Я щурюсь, что есть сил, увидевшись с
тобой.

Мой первобытный страх,
 ожив из детской книжки,
Привёл меня туда, где цепью дуб увит,
Где интеллектом кот любого удивит,

Поставив детский мат в три хода
в Кошки-мышки.

Мышиная возня – секрет для мудрецов,
За ней смешно следить,
усевшись тут – на крыше.
Откуда столько сил и ловкости у мыши:
Чтоб вырвать корнеплод
или разбить яйцо?

Как поле перейти – безмолвствует Левин.
Я чёрной кошкой путь Судьбе перебегаю.
Вальпургиева ночь, а нет – так Хеллоуин
Возьмёт восьмую жизнь.
Не страшно – есть другая!

А если жизнь – настольная игра?
И я в ней шашка, пешка или фишка,
Условно Кем-то названная “Мишка” –
Не “Ферзь”, не “Дамка” – даже не “Тура”.

Исповедимы ли мои пути?
По полю Чьи-то пальцы барабанят,
И Чей-то мозг моей судьбою занят –
Азартом пешки до ферзя дойти.

Никто не слышит пешечной груди,
Ходы просчитаны в уме до мата.
Из этой клетки повернуть куда-то
Нельзя. – “Игрок, дотронулся – ходи!”

Я сплю под колыбельную дождя,
Мне снится счастье вечного покоя,
Где под зонтом стоит Оле Лукойе,
За цветом снов внимательно следя.

Мне в этих снах не страшно ничего!
Я укрощаю Анимуса волей,
А Гипнос-режиссёр меняет роли,
Искусство обращая в колдовство.

Похлеще Шарля-сказочника гусь,
Морфей поёт: пьянят минором песни.
Ко мне пришла мечта – крылатый вестник,
Пообещав, что больше не проснусь.

Потрёт ладонью лампу Аладдин,
И все кошмары, что сбегут из Ада,
Развеет сказками Шахерезада.
Воскреснем двое – засыпал один.

Что лучше исцеляет от тоски?
Что просветляет пустоту во взоре?
Когда, счастливый, плачу вопреки
Печали в романтическом миноре.

Подушка мне откроет твой секрет
Дорогой в лабиринтах сновидений,
Где вырастают страхи из сомнений,
Которыми твой микрокосм согрет.

Там бродят Минотавр и Пегас,
Там вечно спорят Веста и невеста,
Но для меня, увы, там нету места,
В огромном мире двух бездонных глаз.

Без Ариадны выход отыщу –
Не встретить Минотавра бы под ужин.
За то, что я тебе таким не нужен,
Прости меня. И я себя прощу.

Екатерине Жеребятъевой

Я не понял, почему так просто
У меня исполнилась мечта –
Не настолько ведь она проста,
Чтоб Господь транжирил с неба звёзды.

Дело тут не в призрачном добре,
Расточаемом на нищих духом.
Берендей: прикинусь Винни Пухом
И застряну в кроличьей норе.

Добываю опыт: к перлу перл –
И в Мытищах есть свой файв-о-клок.
Нимбом упираюсь в потолок,
Признаваясь: я не Льюис Кэрролл.

Мысли примитивны и легки:
Голова – китайскою шкатулкой.
Я расту, питаюсь расти-булкой:
Хлеб из муки, а не из муки.

В подкидного продувать не надо,
Чтобы точно вычислить IQ.
Королеву красную свою
Убедил: “Психея, выпей йаду!”

Лёгкое недомоганье грёз
Позволяет видеть мир иначе.
В нём себя мы за улыбкой прячем,

Волей изменив расцветку роз.

Что нас ждёт, живущих в Зазеркалье?
Сколько Книгу Жизни ни листай,
В каждой мысли свой Шалтай-Болтай –
Светлость с неразгаданной печалью.

Мало ль в мире чокнутых Алис?
Странные у всех у них манеры.
Человек – величина без меры,
Эту тайну мне поведал Лис.

Бессознательное немо в прозе,
Кем приручен сказочный герой,
Посланный на дальний астероид,
Чтобы жить-переживать о розе,

Розе Мира, ставшего моей
Родиной, где грудь мечтами дышит,
Розе – той, которая услышит
Всё, о чём мечтает соловей.

И.М. Королёвой

Душа, сгорая в пламени конвульсий,
Трепещет от безвинного стыда.
Корпускулы суспензий и эмульсий
Друг с другом не столкнутся никогда.

В одном растворе – и не до диффузий.
Не дёргайся! До дна подать рукой.
Я только что признался грустной музе,
Что смысл жизни хаоса – покой.

Абсцисса, ордината, аппликата,
Ноль – в солнечном сплетении лучей.
Зря власть толпы лелеют демократы,
Молитва стоит свеч... а не свечей.

Религия себе противоречит,
Свободную от совести, её
Всё время исцеляет и калечит
Усталое терпение моё.

Безумный мир в окне – чем не витрина?
В окно глядит нарядный манекен,
И невдомёк ему, что я нейтрино:
Пройду сквозь мир
и не столкнусь ни с кем.

М.Б. Зыкову

Сам у себя посмел мечту украсть я –
В депрессии ль, от скуки ль, стгоряча ль?
И даже кратковременное счастье –
Для долгосрочной памяти печаль.

Недоказуемо – неоспоримо!
Никто не знает, для чего живёт,
Поэтому все с миной мима мимо
Спешат по кругу, думая – вперёд.

У каждого из нас своя орбита,
Своя планида, карма и судьба,
И каждой мыслью истина избита –
Не силой духа ли душа слаба?

Как правильно – известно только мудрым:
Дают советы всем, но не себе,
Но седина придёт и к златокудрым
И выяснится: нету крыл в горбе.

Всяк, не обременённый светской властью,
Считает двойку значимей туза.
Сам у себя посмел мечту украсть я,
Мне стыдно зеркалу смотреть в глаза.

Светлане Гудковой

Бесполое смешное существо
На паперти, держась рукой за стенку,
Отплясывает пьяное фламенко –
Плевать, что смотрят люди на него!

Цитирует Вийона с де Виньи,
Над ним смеются дамы – им забавно –
И господа, которые недавно
Ещё сморкались в галстуки свои.

Переодень в лохмотья тех господ,
Завидующих до смерти Емелям,
И вырви чванство с кожаным портфелем
Невнятных прав и призрачных свобод.

Ты в них увидишь это существо,
Ты не поверишь, при тебе – при даме! –
Никто не назовёт их господами,
Никто им не предложит ничего.

Да, внешний облик – это только блеф:
Нельзя судить по фантику конфету,
Заложнику бесплатного совета
Познать себя, под старость осмелев.

От горя застрахованы мы все,
А вот беда не выплатит страховку.
Лишь тот фламенко откаблучит ловко,
Кто вдоль идёт по чёрной полосе.

Валерию Андросову

Простите, если я признаюсь честно:
Не всё под силу даже королю –
Мне и история не интересна,
И родину свою я не люблю.

Я знаю, должен. Все должны – я тоже
Любить её, “вперёд, Россия” – йоу!
И я любил, когда был чуть моложе,
Ей будущее доверял своё.

Моя любовь сняла с ладоней кольца,
По-детски горько плачут старики,
Ведь выросли из лучших комсомольцев
Не коммунисты, а еретики.

И красного на флаге втрое меньше,
И та же музыка, но текст иной,
Один орёл поёт дуэтом – хрень же!
Простите, не сочтите, что больной.

Страшнее государства нету силы!
Соратник победившей бедноты
Обязан накопить и на могилу,
И на цветник, и даже на цветы!

Такое и в кошмаре не приснится,
Как школьнику сегодня я соврал,
Опровергая гордых очевидцев:

“Врага разбили те, кто проиграл”.

Мой дед ночами вскакивал в ознобе,
Попад под окружение во сне.
Он так и не узнал о внуке-снобе,
Прошёл войну и выжил на войне.

Он никогда не бряцал орденами,
Держа войну за сердцем вглубоке,
Ругал отца последними словами
За фразу на немецком языке.

Дед не дожил до жидких юбилеев,
До натовцев в колонне у Кремля.
Нет, родину я не люблю – жалею:
О, как ты жалка, родина моя!

Печальней нет истории на свете,
Чем та, в которой победили нас.
Ой, не дожить бы, как ответят дети,
Когда их спросят: “Kinder, was ist das?”

Приворотно-слабительным зельем
Легкомысленно поит весна,
И депрессия долгим похмельем
Декорирует вид из окна.

Изнурительно ждать, отпивая
По глотку свои грёзы и сны,
А черёмуха мне подливает
Из бездонной бутылки весны.

Опоили – нельзя не влюбиться!
В ароматах и трелях тону,
И кричит во мне синяя птица,
Проклиная Любовь и Весну.

Я так хочу, чтоб ты хоть раз ошиблась,
Кассандра, в предсказаниях своих.
Ну, как, скажи – да ты ума лишилась!!! –
Делить одну разлуку на двоих?!

Да, я наказан затяжным бойкотом.
Диета без внимания стройнит:
Худой и чёрный – в пору спутать с готом –
Как минимум такой же внешний вид.

Смешно и грустно: ни ума, ни веры –
Я покидаю свой высокий трон.
Таксисты – это те же гондольеры,
И каждого из них зовут Харон.

Ирине Радко

Изобретатель собственных ошибок,
Носитель уникальных хромосом:
Из пункта А в пункт А – из дома в дом –
Мой путь по кругу и тернист и зыбок.

Я фантазёр с прикушенной губой
Нащупал то, что ото всех сокрыто:
Одной – последней – буквы алфавита
Довольно, чтоб себя назвать собой.

Прожить всю жизнь с собой и не узнать
Свой микромир фантазий и иллюзий –
Музейных редкостей, попавших к музе,
Что словострастям изящным мать.

Владыка интеллекта, раб устоев,
Посол традиций, жертва аксиом,
Хожу по кругу я: из дома в дом –
Встречая по пути своих героев.

Дмитрию Ансимову

Чтоб стать успешным, нужно успевать
Во всём: на всех фронтах идти с прорывом.
Успешным стать возможно. А счастливым?
Как самого себя поцеловать?

За то же время сделать больше... втрое:
Потратить жизнь одну на три судьбы –
Стать в автобиографии героем,
Хозяином раскатанной губы.

Спешащему за счастьем не до смеха,
Ему мешают жадность, спесь и прыть:
Он хочет раньше всех достичь успеха,
И колос срезать, и зерно отгрыть.

Артуру Карапетяну

Никто не узнает, как жил и как помер,
Никто не заметил, как плакал без слёз,
Никто не задал деликатный вопрос,
Но в морге присвоят порядковый номер.

Тот номер – и есть лотерейный билет,
Который фортуна тебе придержала,
И бывший рыбак, а теперь – вышибала –
Одних пропускает в Эдем, других – нет.

А.М. Водянскому

Доверие к Правительству подохло.
В подвале сдохло – вонь на целый дом.
Позвали швондершу: пришла, заохала,
Грозилась дворника прислать потом.

Соседи отворачивают рожи
И прячут нос утиный под крыло.
Так пахнет преисподняя, похоже,
В миазмах источающая зло.

Ещё вчера оно хвостом виляло,
Ещё вчера его кормили с рук.
Подохло, разложилось, завоняло,
Наполнив жутким смрадом всё вокруг.

Я нос зажал в кулак – душа засохла.
Мы смертны все,
но каждый – в свой черёд.
Доверие к Правительству подохло,
Хотя само Правительство живёт.

Мадине Хуришловой

А может быть и прав индеец майя,
Придумавший потомкам календарь.
Немало оптимистов жило встарь,
Стереотипы фактами ломая.

В две тысячи двенадцатом году
Мы истину коварную узнаем.
А я вчера свой город спутал с раем –
Себе на счастье, мэру на беду.

Ещё немного и наступит срок,
И Бог откроет все свои секреты,
Назвав Землёю ад другой планеты,
Где без одежды жить Адам не смог.

Шахбану Гапизову

Жизнь прожить – что поле перейти:
Минное – действительно, не просто.
Путь от колыбели до погоста –
В чувствах – помещается в горсти.

Я не верю ни в один из культов:
Нет надежды – сколько ни лови –
Демоны инфарктов и инсультов
Побеждают ангелов любви.

Эльзе Караевой

Соприкоснуться взглядами друг с другом,
Чтоб, улыбнувшись, отвести глаза,
Чтоб север поменять местами с югом
И чтоб достать из воздуха туза.

Я знаю, не бывает идеалов:
Мы ищем то, что нам не по зубам.
Мы жертвы разности потенциалов,
Противоречащих любим словам.

Всё поровну в календаре-колоде:
И красный с чёрным, и добро со злом.
А человек мечтает о свободе,
Чтоб вдоволь насладиться баловством.

Соприкоснуться взглядами украдкой,
Пожать плечами, невзначай вздохнуть,
Чтоб вспомнить над исписанной тетрадкой
Ту искру робких чувств когда-нибудь.

Людмиле Таракановой

Ах, боже мой, как это мне знакомо:
Стоять не у черты, а на черте
И смело заблуждаться в правоте.
Слепой ведущий для слепых ведомых.

Разящий провокатор с бородой,
Оракул для девчонок и мальчишек,
Живу в полёте... как Марина Мнишек.
Но кто для мудрости не молодой?

Я знаю всё. Возможно, даже больше,
Чем следовало бы сегодня знать.
Ход мыслей, обращённый мною вспять,
Меня приводит в будущее... боже!

Для резонёра мудрость – баловство,
Но ил сомнений подниму со дна я:
Я знаю только то, что я всё знаю,
Хоть и не понимаю ничего.

Г.Н. Фирсановой

Всё расцвело, весь мир благоухает –
Реклама Бога: запах, звук и цвет.
Слепой сказал мне то, что Бога нет.
Что Он молчит – поведала глухая.

Камланье птиц и исповедь цветов!
Аллергик нем, плечами пожимает.
Похоже, я один, кто понимает,
Что Бог нам показаться не готов.

По звёздам и по планетарным ядрам
Легко понять, что прятал до сих пор
За скрытую рекламой режиссёр,
За кадром. Да, за двадцать пятым кадром.

Ты мне запрещаешь быть с тобой,
Объясняя это очень просто,
Что не так сошлись на небе звёзды,
Чтоб услышать первый вопль мой.

Первый вдох я сделал не спеша,
Несмотря на загродинный спазм.
Я вдохнул, и ожила душа,
Убиенная твоим отказом.

Ничто не болит и не ноет
В моей отлюбившей душе,
И всё, что случилось со мною,
Меня не тревожит уже.

Уже никого не тревожит
Недавний мой ропот и плач.
О, муза! Всех тех, кто моложе,
Спаси от моих неудач!

Открой им великие тайны:
Кем Ева Адаму была,
За что Бог помиловал Каина,
Кто всадником стал для осла.

Как жить, чтобы не притомиться
От частых оглядок назад,
На зад промелькнувшей девицы
С кокетливым блеском в глазах.

Обиду запью тишиною
Со вкусом Ферреро Роше.
Задушен душистой весною –
От запахов душно душе!

Екатерине Моцкало

Не берусь судить счастливых!
Да, кто счастлив, тот и прав!
Жизнь ко всем несправедлива:
Счастье мимо нас спесиво
Ходит, голову задрав.

Знаю как, боюсь решиться
Счастью заглянуть в карман.
Я смотрю в чужие лица,
Страшно хочется влюбиться –
Страх сильнее, чем обман.

За капризной госпожою
Взгляд торопится – он паж,
Он желание большое:
Выйти из себя ханжою
И войти ханжою в раж.

Не пугаюсь слов ретивых.
Понесут меня – не трусь!
Жизнь ко всем несправедлива:
Не берусь судить счастливых
И несчастных – не берусь!

Александр Стратко

Я царевич, стреляный Амуром.
Я живу на суше и в воде
И предпочитаю всем культурам
Ту, которой не встречал нигде.

Я не превращусь от поцелуя –
Поздно становиться мне другим.
Что хочу? Точнее: что люблю я?
Слушать майский лягушачий гимн!

Отлюблю, и отсмеётся шутка:
“Мойра с ножницами не пришла”.
Где тот заяц, а точнее – та утка?
В ней яйцо, а в том яйце – игла!

Бодибилдер – по-простому грузчик.
Почему-то грузчик – не атлант.
Не всеяден – из стероидожрущих,
На штанах, а не в нейронах Кант.

Нет, над грузчиком я ржать не буду,
И не потому, что грозен он –
Потому что я похож на Будду:
Так же толст и так же просветлён.

Т.А. Литвиничевой

Неужели это не понятно (?):
Облака стоят, а мы плывём,
Время умирает – мы живём –
Многодневно, то есть ежекратно.

Мы себе придумываем грусть,
Вкусы, виды, запахи и звуки,
И стихи нас учат наизусть,
И деньгам мы не даёмся в руки.

Сами выбираем эпикриз:
До какого не дожить недуга.
А душа растёт корнями вниз.
Шар земной – явь квадратуры круга.

Неужели ясно только мне,
Что безумству храброго нет меры:
Люди погибают на войне
Не от пули и штыка – от веры.

Разогнали тучи над Москвою:
От Москвы до самых Петушков.
Этим дождь в окрестностях рекою
Вызвал громовержец мэр Лужков.

Влажный ветер после ливня в мае
Ласково обнял меня рукой.
Понимаю, что не понимаю,
Почему я радостный такой.

Сыт: не до пельменей магазинных
И изысканных банкетных блюд.
Золотых бы россыпей корзинок
Одуванчиков, расцветших тут!

Арий бы пернатого красавца,
Что грустит, ликуя и любя!
И с тобой, с тобой бы целоваться –
Оживлять и обращать тебя!

Голубой циклоп над миром в мае
Доит тучи: за слезой слезу.
Понимаю, что не понимаю,
Кто придумал вызывать грозу.

Нежность пью, а мне всё мало,
Я оглох от тишины
И ослеп от идеала:
Ты меня околдовала
Белой магией весны.

Дарье Чумаковой

Уверен, что не будет ничего:
Уйду спокойно, будто бы и не был,
По воздуху – ни в землю, ни на небо,
Чтоб тучами не омрачать его.

Прорвусь сквозь рёв и
проплыву сквозь слёзы,
Воскресну, стану клеткой Траубе.
Ну, а пока паси мои психозы,
Но близко их не подпускай к себе.

У каждого из нас свои секреты,
У каждого из нас свои запреты,
У каждого из нас свои обеты –
Без них нас нет, и нету их без нас.

У каждого из нас свои ответы,
У каждого из нас свои монеты,
У каждого из нас свои билеты –
И счастлив тот, кто тратит жизнь сейчас.

Среди людей все люди одиноки,
Мы разные – и все мы одиноки,
Из-за своих секретов одиноки –
Впервые видим жизнь в последний раз.

Наталье Морозовой

Я не знаю, я, правда, не знаю,
Почему я беспутный такой,
Почему мне Земля – неродная,
Почему мне не дорог покой.

Почему я слова проверяю
На караты, прозрачность и цвет
И здоровье своё разоряю,
Чтоб найти судьбоносный ответ.

Световыми минутами кроссов
Ни на шаг не приближен к уму.
Рвётся сердце от глупых вопросов:
Почему? Почему? Почему?

Заслушавшись капелью поцелуев,
Ты нежишься в объятьях у меня.
То стонами, то вздохами дразня,
Ты лаской пробуждаешь страсть былую.

Такси на пять заказано у нас.
На ощупь видно лучше, чем воочию.
Ты ставишь точку, точку в третий раз.
Бог любит Троицу, бог Эрос – многоточие.

Пытаешь нежностью
до белофлажной сдачи.
Терпением истому не продлю.
Твоя охота за моим “люблю”
Закончится добычей – не иначе.

Да, после смерти станет жизнь иной,
И после этой эйфории – тоже.
Всю жизнь хотел с тобой быть –
нынче ж гложет
Боязнь, что ты останешься со мной.

Не честность ли – вершина лицемерия?
Чем мысль ближе к сути, тем страшней.
Сомнением отравлено доверие.
Ты шлёпнешь по щеке мне,
хлопнешь дверью
И медленно в слезах сползёшь по ней.

Придирчивей, чем Ясь, который косил:
Не горе – катастрофа от ума.
Как вышло так: не поднимал и бросил,
Не удержал – и ты ушла сама.

Тот риск не стоил всех столов Лас-Вегаса,
Но сколько на снежинки мозг ни рви,
А всё бывает: и любовь без секса,
И пустота от секса без любви.

Любовь – обратное зелье:
Попьёшь и козлёночком станешь.
Разлука! Ты хуже похмелья
Тверёзою совестью ранишь.

Пусть память живёт ради мщения,
Мечта ей – фетиш или фетиш.
Любовь зла к козлам отпущения,
Но ты за козла мне ответишь.

Зурабу Петриашвили

Затишьё – беспокойный буревестник
Парит над океаном суеты,
Он может с Богом запросто “на ты” –
Близнец сиамский, тёзка и ровесник.

Без любопытства зябко и темно,
Но в общечеловеческой культуре
Факт укрощения магнитной бури
На озере надежды – былль давно.

Загадочней религий и наук,
Затишьё перед каждым звуком ново.
Вначале были Тишина и Звук:
Сперва Бог-Звук, затем уже Бог-Слово.

Заблудилась в косметичке,
Где духи, помада – там
Есть к любым сердцам отмычки
И инструкции к грехам.

Дела нет тебе до солнца:
Светишь ты себе сама.
Беспортошные гасконцы
От миледи без ума.

Ты идёшь по робким взглядам,
Грустным вздохам из-за плеч,
И с тобою ангел рядом,
Неспособный убересть.

Ты сама себя морочишь,
Звонкой шпилькой мир дразня:
Ты и хочешь и не хочешь
В жизнь свою впускать меня.

*Алёне Котивец,
фехтовальщице и стюардессе*

Приятно, ах, как же приятно
Тонуть в этих бурных очах!
Нырнуть и не выплыть обратно.
Надеждой расцвёл и зачах.

Твоё шоколадное имя
И зелье очей колдовских
Могу ли я спутать с другими?
Блаженна владелица их!

О, муза с гитарой и шпагой!
Признаюсь тебе, что я лю...
Не смею! Воюю с бумагой
И паркером рифмы колю.

Подпрыгну с недюжинной силой,
Согну свою волю в дугу –
Прости меня, ангел бескрылый:
С тобой я лететь не смогу.

Летаешь – летай аккуратно,
Попутчиков высью пьяня.
Отыщешь на солнышке пятна –
Одно назови в честь меня.

Метафоры клянчу у Феба,
Чтоб руку и сердце отдать

Владычице синего неба
И солнца в её двадцать пять.

Зажмурься Горгоной-медузой
Над жертвой вблизи от земли
И, если не станешь мне музой,
То шпагой своей заколи!

Ксении Дворниковой

Всё будет так же, только без меня.
Но без меня – не значит то, что хуже.
И Эйлер с неба разрисует лужи
Под вечер нескончаемого дня.

И ветер не посмеет помешать
Высоким одуванчиковым планам.
Разлив сирень поэтам по стаканам,
По-птичьи захлебнётся в ней душа.

Ты будешь спать среди цветов в саду
Под белоснежною вуалью дымки,
И в том тумане я к тебе приду,
Нагой – в одной лишь шапке-невидимке.

Елене Отцевич

Возможно, я до правды не дорос,
И без теории живётся проще.
Но как прожить без соловьиной рощи
Не опьяневшим от счастливых слёз?

Врасплох застала чудная строка –
Афористичная изнанка смысла,
Где Бытие определяет Числа,
А инвентаризация – зека.

Я пьян не от вина, а от обиды,
Что ранил – не убил – Амур меня,
И сублимацией нельзя унять
Агрессий уязвлённого либидо.

Не зомби ли? Не умер, но убит:
Надежда убивает миражами
Того, кто бродит узником в пижаме
В полосочку всю жизнь по замку Ид.

За буйством разноцветных вожделений.
В которых в профиль истина видна,
Застенчиво смущается весна
От собственных фантазий-откровений.

По родине, как по Стране Чудес,
Иду, башкой маяча изумлённо,
Ежеминутно-заново влюблённый
Рогатый ангел и крылатый бес.

Меня смутить достаточно легко
И удивить довольно-таки просто.
Необитаемый – обетованный остров:
Земля, где в реках мёд и молоко.

Спешу к Любви по первопутку дней,
По тире Эроса из лиц и задниц,
На дню встречаю семь случайных Пятниц,
Семь Параскев, не слышавших о Ней.

Виталию Костюку

Сижу вольготно с книжкой в кресле,
Леплю словесный воск,
И миллиарды разных “если”
Клюют распухший мозг.

Взрывает душу тол сомнений,
Заложенный умом,
И не хватает двух ступеней,
Чтоб превзойти геном.

Встряхну причёску с чёлкой Пресли,
Ладонью прядь прижму,
Нашупав способ, как от “если”
Дойти до “почему”.

Кручу по блюдцу
Яблоко из вазы.
Все чашки бьются –
Все, хоть и не сразу.
Все бьются к счастью.
Жизнь проходит скоро.
Порви на части
Дребезги фарфора.
Не по бумажке –
По судьбе испитой:
Для каждой чашки
Счастье – быть разбитой.

Нет времени, чтоб тратить на обиды
Единственную жизнь среди людей,
Прикармливать печалью мортидо...
Как хорошо! Прикинь и обалдей!

Не в голове ли дивно пахнут розы?
Конечно, в голове, а не в руках.
Меняю все кифозы на лордозы
В закостеневших шейных позвонках.

Моя судьба сложна и невалидна:
Не индивидуальность – индивид.
Мне было бы до ужаса обидно
Висеть в петле, сплетённой из обид.

Какое-то коварное затишье
Опустошило сад моей души,
И мечется тоска летучей мышью
По первозданной девственной тиши.

Никто не встрянет трелью и руладой,
Никто шатёр покоя не качнёт,
И свету любопытствовать не надо,
И ветер возмущаться не начнёт.

В написано-невысказанном слове
Таится смысл истины большой.
Тоска упрямо алчет свежей крови,
Кружа над безразличною душой.

Владимиру Плетнёву

Герой эпистолярно-мыльных опер
Клавиатуру пальцем заклевал,
Ищу свой виртуальный идеал
В сети: за каждой авою – Циннобер.

Бездарно симулирую живца.
На Аве все смелы, за авой – робки.
Тут знаки препинания и скобки –
Для идентификации лица.

Нет, мимику не отражают смайлы,
Ведь чувства имитировать нельзя.
У каждого из нас своя стезя:
На том же диске, только в разных файлах.

Я нафлужу ещё одно письмо
На субкультурном языке пАдонков,
Спамбот под видом ветреной девчонки
На мне поставит смайликом клеймо.

Владимиру Никулину

Для чего мне всё это – не знаю,
Не спастись от комплексов своих.
Мог бы жить не хуже остальных,
А не лучше – вот ведь жизнь чудная!

Мог бы верить людям через раз,
Если хорошенько постараться,
И следить за сменой декораций
Так же беспристрастно, как сейчас.

Откопал топор войны с мечтой,
И план Б среди сомнений вызрел.
Не стреляться ж самому с собой
Мне за право на контрольный выстрел?

Катушкой индуктивности причёска,
Распутанная в медных проводках.
Ты улыбаешься, но в чём загвоздка:
Меня одолевает ложный страх.

Боюсь тебе я улыбнуться тоже,
Улыбку прикрывает пятерня.
Боюсь, что засмеёшься, скорчишь рожу
И вообще не так поймёшь меня.

Роману Зайцеву

Понимаю, самому претит
Пресловутая сентиментальность,
Несмотря на то, что внешний вид
Приобрёл помпезную брутальность.

Искренность без божьей искры – блеф.
Я хотел бы заново родиться,
Скульптор филигранных дефиниций,
Юный обольститель старых дев.

Слёзы умиления не лгут.
Стыдно только к вечеру светилу
Не за то, что есть – за то, что было
Днём, когда оно светило тут.

Интересное живёт в тени.
Плачу пафосами мелодрамы.
Истине на паперти у храма
Прозелит скандирует: “Распни!”

Но не словом, а винящим взглядом,
Будто знает, что нет Бога рядом.

Татьяне Санфировой

Возможно, как-нибудь в один из дней,
Когда пойму, что ждать уже нет смысла,
Я скорчу рожу, скорчу кисло-кисло
И помолюсь Тому, Кому видней.

И попрошу ответить без вранья,
Как есть, без долгих театральных пауз:
Зачем я здесь, где даже Микки Маус
Значительно счастливее, чем я?

Кому я тут прокладываю путь,
Когда у каждого – своя дорога.
Попутчики скитальцев судят строго,
Да только разве карму обмануть?

Я слышу междустрочный плач и смех
В потоке нескончаемых историй
О миллиардах разных траекторий:
При разных судьбах смерть одна на всех!

Жизнь – в перебежках от любви к любви.
Вон под ресницами слеза повисла,
Допетрив, в этой жизни нету смысла,
А смысл смерти – чтобы жить. Живи!

Сколько можно нянчить инфантильность,
Самому себе прощать грехи,
Возмущаться из-за чепухи
И откармливать в снах сексапильность?

Сколько можно понукать собой,
Заставлять взрослеть, серьёзнуть, верить?
Метриками возраст не измерить,
Ведь душа приемлет плоть любой.

Недотёпа, но могуч и стоек!
Языка добыть бы мне живьём –
Истину, где счастье – сбой настроек
В матричном сознании моём.

Знаю-знаю: жизнь промчится пулей,
Так, что не успеешь крикнуть “ой!”
Тенью смерть плутает за судьбой
Сквозь жужжащий человеческий улей.

Уложиться б в отведённый срок,
Сделать всё, что социуму должен:
Написать ни меньше и ни больше,
Чем войдёт в тенёта белых строк.

Не из проективных ли методик
Возникают цели в голове
С манией, сильнейшей чем наркотик:
Дерево, дом, сын, то есть человек.

Зажмуриться, вдохнуть и помолчать,
И, выбрав нужный из оттенков грусти,
Раскрасить невербальную печаль,
Пока не сжалиться и не отпустит.

Налить в бокал душистого вина
И раствориться в этом аромате,
И посмотреть на космос из окна,
Задумавшись о быстром детском мате.

Взглянуть на отражение в стекле
В глаза тому, кто ищет смыслы в звёздах,
Кто чувствует, о чём мечтает воздух,
Бывавший и в трущобах, и в Кремле.

Теперь уж поздно что-то объяснять,
Тот скрип остался в памяти кровати.
Зря звёзды жребий бросили, им, кстати,
Неплохо было бы спросить меня.

И уча здороваться соседей.

Ценностью, с которой Дон Кихот
Не расстанется, ложась в могилу,
Будет лизергиновый приход –
Откровения от Михаила.

Не говори, что всё уже прошло,
И что цветенье обернулось мукой.
Прощальный жест
 перед большой разлукой...
Как явственно благоухает зло!

Что заставляет расцветать цветы:
Предсмертная агония побега?
Эстетики изысканная нега?
А может имитация мечты?

Цвести, чтоб совращать неискущённых
Наивной благолепной наготой.
Душа снаружи кажется пустой:
Не опустевшей, а опустошённой.

Себя заставлю дерзко расцвести
И насекомых вызову, как манну.
Я отцвету, отмучаюсь, увяну,
Посеяв в небо тысячи “прости”.

Как же вы меня все задолбали:
Слишком трудно вам читать меня,
Очень много вам моей печали...
Да, стихи – не ваша болтовня!

Сели, обложились словарями,
Облажались со своим IQ,
Чтоб самозабвенно глухарями
Мучить песню старую свою.

Дескать, не грусти – пройдёт усталость
От того, что истиной пузат.
Нужно, чтобы ПРОСТО рифмовалось,
Словно двести лет тому назад.

Говорю с довольной сытой ряхой:
“Не пойти ли вам куда-нибудь,
Как Ахиллу, вслед за черепахой –
Чтоб не обогнать и не свернуть?”

Ваши души астенично тощи.
Семицветик не нашёл Линней.
Я могу писать намного проще –
Лучше станьте вы чуть-чуть сложней!

Примитивность более мудрёна:
В ней ни капли крови естества.
Простотой в стихах заговорённой
Убивают хуже воровства!

Бороться с застоявшейся тоской,
Отхаркивать вчерашние обиды –
Пусть грусть бежит забывчивой рекой
По достопримечательностям Ида.

Я сяду-помолюсь на берегу,
Но не словами, а отборной бранью.
О чём тут баять, если не могу
Я отойти от Дерева Познания?

Прикован. Жизнь проходит на цепи.
Держу себя в руках, а мог быть в небе.
Рванусь, но кандалы звенят: “Терпи!
У каждого свой персональный жребий!”

Терплю, смотрю на небо и не рад:
Там красный круг со знамени японца
Да чёрный – по Малевичу – квадрат:
Играет Время с красной кнопкой солнца!

А я сижу на берегу реки,
Что победила Аргуса в гляделки,
Где слёзы так прозрачны и горьки
У тех, кто держит часовые стрелки.

Прости меня, пожалуйста, прости.
Я не подозревал, что так случится:
Душа отвоет, отскулит волчицей –
Ей только б до ночлега добрести.

Хотел бы быть внимательнее впредь –
Как долог путь от выдоха до вдоха!
И если б знал, что будет мне так плохо,
Я предпочёл бы раньше умереть.

Чтоб не дожидаться этой пустоты,
Витающей над каменным “спасибо”.
Благослови меня прощением, ибо
Я согрешил, когда развёл мосты.

Придётся одному теперь грести,
Скормлю свои мечты воспоминаньям –
Голодным позолоченным пираньям,
Последним словом прошептав: “Прости”.

Боже мой, какой же я счастливый!
Жив, здоров, работаю, творю,
Дважды в сутки пляжусь на зарю
За зевотой сладостно-ленивой.

Я смотрю не под ноги, а ввысь,
Царственно – над жизнью суетливой.
Боже мой. Какой же я счастливый,
Позавидуй мне и от...махнись!

Н.Д. Хайбулиной

Для меня тут не всё однозначно,
Мы живём в феодальной стране.
Возражают немногие мне,
Да и те, кто осмелились – в складчину.

Крепостные, дворяне и царь –
Всё как было, так есть и так будет:
Та же улица, тот же фонарь,
И такие же, в сущности, люди.

Виолетте Султановой

Хочу напиться Вашим взглядом,
Пока вы рядом,
Чтоб стать волшебным звездопадом
Невестокрадам.

Хочу для Вас быть майским садом
И стольным градом,
Чтоб пригрозить Адаму адом
И сладким ядом.

Рассредоточу по балладам
Да по руладам
Всю жизнь, упившись Вашим взглядом,
Пока Вы рядом.

Алексею Новикову

Удивительно и странно
Жить всерьёз,
Отвечая постоянно
На вопрос:

Почему предназначенье
Таково?
Не жалеют огорченья
Никого.

Заливаю зенки водкой –
Без тирад.
Эй, фотограф! Ну-ка, сфоткай,
Как я рад!

Наспех счастье намалюю
И пошлю.
Милость сводится к “люблю” и
“Не люблю”.

Я Бог-Природа,
и пусть кто-нибудь оспорит,
Что Демиурга нет и не было всерьёз,
Что я б один
не смог создать свой микрокосм,
Где в микромире микроклимат
с микрофлорой.

Мой локоть – орган ощущения людей,
Меня скрижалями им не поймать за слово:
Я, грозным взглядом
выжав соки из бывшего,
Умчусь с крылатой кавалерией своей.

Пускай оспорят – пусть.
Пусть!

В порох, а не в прах
Я превращусь потом, когда утихнет пламя,
Оставив скептикам и критикам на память
Всё: мочегонный смех и потогонный страх.

Очень жаль, что впредь не повторится
Эта ночь бессонных грёз и нег.
Совість – самозванная царица –
Ждёт капризно тополиный снег.

Мотыльки в окно стучатся робко
Честными курьерами извне,
Доставляют вдохновенье мне:
Сами – в пламя, рукописи – в топку.

Ночью можно то, что днём нельзя,
И луна следит за этим строго.
Не молюсь, а вызываю Бога,
Точностью рифмованной грозя.

Он возникнет в пламени свечи
И в капели кухонного крана –
Не из Библии, не из Корана –
Нет! Воображение включи!

Пазлы строчек соберёт из слов,
Вспомнив эллинов и древних греков.
Всем поведаю про свой улов –
Я ловец не рыб, а человек.

Я поймаю смыслы жизни в сеть
На живца – на истину простую,
Только всех бы выловить успеть
Прежде, чем я мир перерисую.

Обними меня, не думай,
Просто обними.
Не смотри, что я утрюмый
С прочими людьми.

До меня им дела нету,
Как и до других.
Им нужны мои ответы
На вопросы их.

Гасят блики в каждом оке
Глупостью своей.
Далеки и не далёки
Люди от людей.

Мне тепло в твоих объятьях.
В них проходит дрожь.
Это страшное проклятье –
Знать, что не умрёшь.

За спиною зависть шепчет,
Хочет лечь костями.
Обними меня покрепче,
Слышишь – обними!

Майский вечер пах шашлычным дымом.
Из машины надрывался Круг,
Я шёл мимо скромным пилигримом,
Доктор приблизительных наук.

Мне казалось... или не казалось,
Что у жизни смысл невелик:
Песни поорать да выпить малость
Под благоухающий шашлык.

Никому ненужные печали
Акапельно скрасив, соловьи
В этот вечер смыслом накачали
Все мечты и чаянья мои.

Я прошёл торжественно-степенно,
Будто бы с мангальщиком знаком.
Майский воздух обозначил стену
Между мной и этим шашлыком.

Когда тебе завидуют враги –
Способные, талантливые даже –
Не торопись, дослушай всё, что скажут,
Но только самому себе не лги.

Улыбку напоследок сохрани:
Она. Поверь мне, им не даст покоя.
Смятение – вот, что это такое –
Боязнь до смерти не раздать долги.

Пройти в час пик по городу раздетым
Гораздо проще, чем признать свой крах.
За смехом прячется стыдливо страх,
За бархатным сезоном – бабье лето.

Всех, вижу всех насквозь – и в том весь я.
Одни ругают, а другие хвалят,
Но похвалы куда сильнее печалят,
Когда тебе завидуют друзья.

Чурки уважают стариков,
Знают вдвое больше языков.
Вот! Хотел бы я таким быть чуркой
И чураться злобных чуваков!

Не верю я тому, что мы расстались,
Что больше не придётсЯ никогда
Берёзе, плача, облачатсья в талес
И ждАть прихода СтрАшного сюда.

Что может быть страшнее, чем разлука,
Когда я вспомнил, память теребЯ,
Что не сказал, что я люблю тебя:
Мой промах – добрым молодцам наука!

Не верю я, что СтрАшное пришло,
Что между нами шаг размером в пропасть.
Ты не звонишь, тебе мешает робость,
И мне набрать семь цифр тяжело.

Неизбежность – это приговор!
Рак с акмэ надежду мигом свистнет.
Время-время – самый жадный вор!
Ты берёшь последнее у жизни.

В каждой фразе дёгтем порчу мёд.
Жаль, стареющий Амур не меток,
Знает: сердце в клетке не поёт,
Потому что состоит из клеток.

Юлии Зачёсовой

Всё так просто – понимаешь, просто:
Не над чем тут голову ломать.
Истина – не по линейке ГОСТу,
Истину за цифру не поймать.

Сложный ум не отзовется лестно,
Разделив на компоненты смесь.
Просто – потому что интересно
Наблюдать и видеть всё как есть.

Отчаянно влюбиться в эскимо
И языком его заставить таять,
И наслаждаться тем, что жизнь простая:
В ней счастье появляется само.

Вцепиться в древко всласть,
на зависть всем:
Кусать, сосать, лизать и в испугленье
Отдаться добровольно наслажденью...
А я его совсем иначе ем!

Елене Сенчиковой

Распрямлю до хруста спину,
Плечи разверну
И глазами дворянина
На тебя взгляну.

Ты, хихикая задорно,
Отведёшь глаза –
Так нежна и непокорна –
Вот уж егоза.

Взор лукавый исподлобья
Хоть кого смутит.
Он затягивает топью
Мой нелепый вид.

Мне впервой ответить нечем –
Нем опавший клён,
Ангелом очеловечен
И обожествлён.

Атанасу Зайналову

В этом танце было столько чувства!
Этот танец можно было пить!
Это не наука, не искусство –
Это блеск, живущий, чтоб слепить!

Это смысл жизни, суть Корана,
Над которой плачет аксакал.
В нём незаживающая рана
Бешеной рекой на теле скал.

Этот танец больше, чем лезгинка –
Обретающий себя экстаз.
За кальянным дымом скрыв слезинку,
Я смотрел, как пляшет Атанас!

Селиму Алахярову

Я таю медленно, как этот дым,
Дурманыщий, пьянящий, крепкий, едкий,
И сердце бьётся, запертое в клетке,
И муэдзином предстаёт Селим.

Раскрашивая песней воздух, он
Подталкивает грусть мою на плаху.
А я сегодня услышал Аллаха
И понял, что у Бога – баритон!

Е.Е. Минченкову

Сколько стоит вера в человека:
Зрячая, с прищуром, без купюр –
И способна ль излечить аптека
Хитрость виртуозных авантюр?

Жаль, в спектакле жизни нет антракта
И в развязке понимаешь вдруг,
Что учебники содержат факты
Противоестественных наук.

Знание – второе имя веры:
Человек не знает ничего.
И откалиброванная мера –
Эталон фантазии его.

Угнетает эта писанина,
Над которой посмеётся внук,
Не в усы, а прямо деду в спину:
“Кандидат искусственных наук!”

Веселится виселица слова –
Отгадай и всё начни с нуля,
И не жди чего-нибудь другого:
Патмос – та же Новая Земля.

Смысл жизни проиграл в игрушки
И сказал, что это хорошо.
Есть ли кто счастливее, чем Пушкин:

Всё успел и вовремя ушёл?

Сеятель сомнений, грёз и шуток –
Жизнь – музоподобной травести –
Сею в этот жуткий промежуток:
Мог бы накопить – не унести!

Валентине Краснопирке

Я не прав, я знаю, что не прав.
Жизнь пройдёт мучительно и стыдно.
Не за то, что жил тепло и сытно,
А за то, что холил буйный нрав.

Нацежу везенья через край
И судьбу перемешаю ложкой,
Стану Шивой или осьминожкой,
На восьми ногах спешащей в рай.

Понимаю, мог бы стать другим:
Быть как все и в мире жить со всеми,
И не мучить, подгоняя, Время,
И не слышать вслед: “Неисправим!”

Сею жизнь, авось и прорастёт:
Не посеешь – не узнаешь: надо!
В урожае вся моя награда:
Вырастить и съесть запретный плод!

Тебе нужна изюминка во мне?
Я центнер с четвертью отборного изюма,
Которого не надо никому,
А ведь когда-то я был виноградом!
Мне прочили стать марочным вином
И постареть в коллекционный уксус.
Я стал изюмом, и моя ль вина,
Что принял царь меня за таракана,
Когда в ладонях булку разломал?
Тебе хотелось бы чуть-чуть из Юма?
Одну изюминку из центнера, но ту,
Которой у меня нет и в помине.

Марии Добролюбовой

Твои уста коснулись бороды,
По сердцу эхом пробежалось ахо,
Всплыл череп фобией в болоте страха,
Где время – зарослями череды.

Как сладок был невинный поцелуй!
В груди цветник торжествовал салютно,
Откуда ни возьмись запела лютня
Вечнозелёной молодостью туй.

Поцеловала, словно ты мне дочь.
Поцеловала, чтобы я не квакал –
И этим посадила сердце на кол.
Поцеловала – и умчалась прочь!

Стервятники, трусливые койоты,
Бездарные собратья по перу!
Прошу, оставьте мне мои блокноты,
Доколе я над ними не умру.

Вы ищете добычу, вам знакомо
Насилие над девственной строкой,
С утра уже толпитесь возле дома
И крови жаждете – на кой? На кой?!

Какого надо вам от этих строчек?
От пристани, где кровь на простыне?
От злости раздувающихся почек,
Исповедально верящих весне?

Чего вы ждёте – мне б узнать хотя бы –
От хитрых смыслов и коварных фраз:
Добычи лёгкой или жертвы слабой?
Скажите, чем порадовать мне вас?

Порадую, клянусь, богами всеми.
Я вам клянусь – и сердцем и рукой!
Кто прав, кто нет – пускай рассудит время!
Мне бесконечно дорог ваш покой.

На старте: блеск в глазах, в оскале слюни,
И ждёт язык во рту команды “фас!”
Но жареный петух вас раньше клюнет,
Едва прокукарекав третий раз.

Заклятые друзья мои, не надо!
Не надо по клочкам – возьмите всё!
Возьмите со словами: “Выпей йаду!”
Я выпью, если кто-то поднесёт.

И отпущу на волю эти строфы:
Стих-самосейка прорастёт везде.
Дорога от Синая до Голгофы –
В одну земную жизнь среди людей.

В.И. Пирулиной

Городу нужны самоубийцы.
Опыт перестраивает сны.
Он стратег проигранной войны,
Разучившийся с годами злиться.

Он способен весь крещённый тир
Переделать в мирный скит мгновенно,
Перерезать ленточкою вену
И открыть другой, счастливый мир.

Александрю Ждану

Это удивительно и странно:
Наблюдать себя со стороны,
Потрошить свои мечты и сны
И себя смущаться постоянно.

Видеть по-рентгеновски насквозь
Суть вещей, таинственных и явных,
И закончить жизнь свою бесславно,
Вымолвив “аминь”... или “авось”.

Разделить в себе добро и зло,
Ложь и правду, истину и веру.
Всё послать не к чёрту, а к премьеру:
Счастлив тот, кому не повезло.

Перевесить ценности и планы
Переделать – нет: перемудрить!
Наблюдать за тем, как скучно жить –
Это удивительно и странно.

Естествоиспытатель и эстет,
А у меня здесь ни копейки нет,
Но я богат: есть миллион вопросов.

Один из них – зачем я здесь живу,
Где пьют не квас, а фанту, спрайт и колу,
И где за аттестатом ходят в школу –
Махаться, етсья и курить траву?

Тут всех интересует только тело,
Оно должно иметь товарный вид.
Тут можно знать на четверть алфавит,
Ведь главное – коннектиться умело.

Тут президент позвал страну вперед,
От лозунгов – невроз и диспепсия!
Стареет беспризорницей Россия:
Уйдёт культура – и уйдёт народ.

Что новый мир? Он тем же миром мазан,
И не за что его нам так любить.
В нём можешь ты писателем не быть,
Вступить в Союз писателей обязан.

Тут можно верить сразу в трёх богов:
На долларе, в Кремле и на иконе.
Быть академиком-вором в законе,
Давать займы и бегать от долгов.

Давай с тобой поплачем горько-горько

Над тем, что мы не в силах изменить.
Мы те, на ком, увы, преврётся нить,
И вечной ночью обернётся зорька.

Распотрошат страну на нефть и лес.
Взгляни, уже нас покидают крысы,
А ты мне про какую-то Алису –
Какой тебе ещё Страны Чудес?

Налить вина в спиралевидный рог
И выпить залпом так,
 чтоб щёки – в струях.
И вспомнить о волшебных поцелуях,
Которых ты добыть себе не смог.

Почувствовать, как в дёснах вяжет грусть
Перебродивших солнечных скитаний,
И не искать нелепых оправданий
Тому, что ты себя не любишь – пусть.

Никто мечты не запасает впрок,
И ты живи, довольствуясь тем малым,
Что дал тебе спиралевидный рок,
Чего не дать ни рюмкам, ни бокалам.

Дмитрию Пахомову

Девочки под вечер вышли на охоту –
Очень уж охота им в себя влюбить,
Слишком уж охота им поймать кого-то,
И ещё сильнее – пойманными быть.

Кто они: приманки или же капканы?
Хочется попасться так, чтоб не попасть.
С виду с лилипутов эти великаны –
Их уста скрывают крокодилью пасть.

Макияж с поличным выдаёт окраской.
Эта встала в стойку, та – уже в прыжке.
Девочки под вечер ждут волшебной сказки
Про красавца-принца и кота в мешке.

Зачем тебе мои стихи?
Для просто так? Нужны, чтоб были.
Довольно миру чепухи
Поэты щедро подарили.

Недоосознан складный бред –
В нём смыслы достоверно лживы.
Стихи, как мог сказать поэт –
Души прекрасные нарывы.

И.И. Авериной

Если бы я только мог,
Поступил иначе.
Молча проглочу комок
И без слёз поплачу.

Путь-дорога нелегка
С грустью сладко-горькой.
Розовеют облака
На вечерней зорьке.

Грозовеют облака,
И луна сердита.
Я пришёл издалека
К этому корыту.

Никому не увидеть
Жидких стёкол в глазках.
Кто воротит время вспять,
Перепишет сказку?

Сам я сел на теремок –
Выпал жребий, значит.
Если бы я только мог –
Но не мог иначе.

Ирине Алёшиной

Единственную жизнь проохать и уйти –
Паркинсонистом стать:

не препираться с ложью.

Почувствовать себя

ничтожной тварью божьей,

И одному к утру до смерти добрести.

Оракул-еретик считает: раз, два, три –
Вальсирует печаль Свиридовской метелью.
Бескрайняя земля замуровалась в келье
Под розовые сны кимарящей зари.

Зевают облака, потягиваясь всласть,
А я смотрю в окно безудержной дремоты,
И гонит-гонит чёрт на чёртову работу.
Я сам себя гоню: какая-то напасть!

Раз Гансик не узнал, то не узнает Ганс.
Зачем она нужна, проклятая работа?
Кому она нужна – ответьте мне,
ХОТЬ КТО-ТО.
Единственную жизнь потратить на аванс.

Почему я тех люблю, кому
До меня нет никакого дела?
Для чего до боли душу жму,
Исступлённо и остервенело?

Почему раним и уязвим,
И в любимых очень неразборчив?
Мне б на них пожаловаться им –
Я ж молчу, улыбку нервно скорчив.

Наша дружба – самый грустный миф,
Даже я в него порою верю.
Сединою юность осрамяв,
Обольщаюсь, а не лицемерю.

Я уже ни от кого не жду
Ни любви, ни нежности, ни страсти.
Не ищу упавшую звезду
И не верю в призрачное счастье.

Не знакомлюсь и ещё сто “не”
Накопил, надежду проклиная.
Почему не вспомнят обо мне,
Если первым я не вспоминаю?

Почему я дорог только тем,
Кто меня интересуется мало?
Почему со мной Всевышней нем?
Молчаливость – свойство идеала.

Я сожгу последнюю свечу –
Для того ведь покупают свечи.
Спрашивай меня – я промолчу:
Вероятно, этим и отвечу.

Дождь идёт. Идёт! Куда – не знаю.
Не догнать и не остановить.
Встану у подзорного окна я,
Обрывая лепестки любви.

Змей ладонью оплетает спину,
Талию и краешек бедра.
Не живу, а чахну, тлею, стыну.
“Я-сегодня” стоит всех вчера.

Онемел от монотонной скуки,
И перед глазами крупный план:
По тебе сползают чьи-то руки,
Пряча за объятием капкан.

Я смотрю, но мне глаза не верят.
Глупенький, наивный и смешной.
Дождь идёт не ЗА окном, а перед...
Он, по-моему, идёт за мной.

Обидно, до боли обидно
Желание жечь на костре,
Как ведьму, которой нестыдно
На шабаш лететь на заре.

Обидно – хотеть и не сделать,
Стараться, но так и не смочь.
И пусть примитивная челядь
Прогонит сомнения прочь.

Чем меньше желаешь, тем проще,
Тем радость приходит быстрее.
Мечта же становится тощей –
Да кто вспоминает о ней?!

И совесть – не мать, а ехидна –
Решила надежды лишить.
Обидно. Ах, как же обидно
До счастья чуть-чуть не дожить!

Возможно ли прожить со всеми в мире?
Хотелось бы – да только не могу:
Одни хотели б жить в моей квартире,
Другим я дался, как трофей врагу.

Я думаю, не просто, всё непросто:
Всего не мог предвидеть даже Бог.
Не пропасть от проклятия до тоста,
От жалости до зависти – плевков.

Скажи мне, кошка, миленькая кошка,
И много ль надобно тебе мышей?
Зачем лениво лёжа у окошка
С презрением глядишь на торгашей?

Прищурилась и отвернула глазки:
Тебе мой взгляд внимательный не нов,
Тебе есть дело до хозяйской ласки,
И дела нет до серых грызунов.

Прожить всю жизнь в охоте за мышами
С чеширской улыбкой до ушей.
Всегда нарядная в одной пижаме,
Ты бог и дьявол сразу для мышей.

Гарантия подвижных равновесий,
Ты, укрощая лень и аппетит,
Мне проявляешь свой характер бесий,
Зажмуриваясь, дескать, кошка спит.

Добыть к обеду б шекелей немножко
И закупить урчащих беляшей,
А ты лежишь невозмутимо, кошка,
И смотришь за вознёй больших мышей.

Ю.В. Антонову

Он похож на соловьиный сад,
Обнажающийся для счастливых.
Там на ветках нотами висят
Звуки в дивных трелях-переливах.

Оставляя впрок земную твердь,
Голос, окрылённый звонкой песней,
В них живёт богаче, интересней,
Чем в итоге побеждает смерть.

Он садовник в собственном саду,
Он над садом простирает руки:
Укрощает, дрессирует звуки,
Вьющиеся под его дуду.

Шар земной для этих звуков тесен.
Я попал навечно в этот сад,
В царство самых соловьиных песен –
Мною управляют голоса.

А если я завяну и умру
От мысли, что тебя не будет долго?
Я буду выть, выть человековолком
На Цербера, который втихомолку
Меня запрет к Аиду в конуру.

А если ты останешься во сне,
Где хороводят призраки и тени,
Где штопорообразные ступени
Уводят в царство вещей привидений,
Камлающих и ворожащих мне?

А если мы с тобою никогда
Не встретимся? И в пёстро-шумной суете
Я буду жить, колоду чувств тасуя,
Я сновидения перерисую,
Чтоб через вечность вновь прийти сюда.

Максиму Сошину

Неужели это незаметно:
Власть нужна тому, кто нужен ей?
Власть приходит с гиканьем победным:
Чем демократичней, тем страшней.

Власть приходит с новой печатью,
С новым флагом, гимном и гербом,
А сбегает – или в дамском платье,
Или в белых, или босиком.

Кланяются в пояс крепостные,
Ползает на чреве шантрапа,
А она сидит верхом на вые –
В полный рост, вальяжно, на попа.

На Управу тоже есть управа –
Нет управы только на себя.
Я один из тех, кто мысли здраво,
Истину на смыслы не дробя.

Я воспринимаю мир картинкой –
Голограммой – таким, как есть.
Капает песчинка за песчинкой:
Раз, два, три, четыре, пять и... жесь!

Жизнь идёт сквозь грёзы и напасти:
То смеяться хочется, то выть.
Всё над властью. Той, что не во власти

Бешеный песок остановить.

Мудрость мне – не по зубам молочным.
Пыль – зыбучим временем на дне.
Эта власть нужна беспозвоночным,
Пресмыкающимся, а не мне!

Екатерине Штакк

Хорош печалью маяться –
Об этом знает каждый:
Все глупости случаются
По меньшей мере дважды.

Нельзя в грядущем по-бы-вать!
Сглупить и вновь решиться!
Один раз, чтоб по-про-бы-вать,
Другой – чтоб убедиться!

Н.Ю. Екатериничевой

Этот мир, он очень многогранен,
Истина неоднозначна в нём.
Для чего мы, смертные, живём?
Для чего он жил, Иван Сметанин?

Для чего жил Борисков Илья,
Фридман Бенциан и Славин Гирша?
Для того, чтоб появился я,
Автор никому не нужных виршей?

Для чего я здесь живу сейчас,
Разговляясь аккапельной песней?
Всё, что было сделано до нас,
Было несравнимо интересней.

Почему я тут? Зачем? За что
Мудрствую, чалясь бестолково?
Кто я прадедам? Я камертон.
Я Начало, и во мне их Слово.

Дмитрию Минорину

Я тот, кто и в Яндексе истину удит,
Я верю всему, что здесь вижу – не врут:
Тут вместо погоды, которая будет,
Пророчат погоду, которую ждут.

Н.Д. Свердловой

Я чувствую себя ничтожеством убогим,
Которое живёт, чтоб Бога веселить.
Которое живёт на удивленье многим
И на злорадство тем, кому бы слёзы лить.

Послание моё – вот весточка благая.
Я вижу горизонт несбыточной мечты,
И я к нему лечу, плыву, ползу, шагаю,
Но не перешагнуть невидимой черты.

Не в силах превзойти
 ни в пении, ни в танце,
Ни в живописи тех, кто гений свой обрёл.
Я прячусь от людей
 в свой иллюзорный панцырь,
Стыдясь, что в тридцать лет
 “по крыльям – не орёл”.

Увиденное мной – мне не даёт смириться.
На бег на месте я потратил столько сил!
Выращивал стихи не год, не два,
 а тридцать –
На истину смотрел, но не произносил.

Я инфузорный след оставляю после смерти,
Печаль сомнёт лицо и в сердце заболит.
Вся жизнь – один аккорд
 в клавиатуре QWERTY,
И завершит сеанс мой Ctrl-Alt-Delit.

Сергею Сытенко

Вы что, не поняли, что нас уничтожают?
Что добрый царь страшней,
чем злой холоп?

Одних в психушки с тюрьмами сажают,
Другим контрольный выстрел точкой –
в лоб!

Одних спивают низкопробным зельем,
Других отравой пичкают: жизнь – яд!
Не видят люди жизни за весельем –
Не видят, хоть и пристально глядят.

Страну по нервным клеткам разоряют:
Артист фальшивит, и газета врёт,
И стадо попугайно повторяет:
“Вперёд, Россия!” ... к пропасти, вперёд!!!

Побольше заработать и потратить –
Другого дела у народа нет.
Нацистами повешен был мой прадед,
И одиночеством удушен дед.

“Вперёд, Россия!” – царь повелевает.
“Вперёд, Россия!” – клакеры орут.
Мы выживаем здесь – нас выживают,
Нас населением прозвали тут.

От черепков зависит наше счастье.

Разбить страну на груды черепков.
История продажной девкой власти
На царство соблазняет ммм... чудаков.

Патриотизм – иллюзия уродов:
Мы сами не принадлежим себе
В стране дворцов, халуп и огородов,
Неся свой крест на собственном горбе.

Мы верим в то, что завтра лучше станет
И побредём по белой полосе,
Да разве кто статистику обманет:
До постных пенсий доживут не все!

Нам кажется, что хуже быть не может.
Ещё как может!!! Тьма темнее тьмы!
Но если мы не выстоим, то кто же?
Рабы – не мы. Мы немые. Мы – не мы!

Я хочу побыть с тобой немного,
Поболтать за жизнь, попить вина,
Вынырнуть из омута окна,
Где мне беспросветно одиноко.

Никому не хочется звонить,
Не к кому напрашиваться в гости.
Почему печаль сильнее злости?
Почему себя не изменить?

Заходи – недолго посидим,
Причастившись вымыслов сандала.
Пряность грусти век бы не узнала,
Что и без огня бывает дым.

Дымом пахнут строчки эпилога,
Я спешу к бумажному врачу
И стихи тревожно бормочу –
Я, наверно, многого хочу:
Я хочу побыть с тобой немного.

Как это смело: осквернить могилу,
Разбить ограду, плюнуть на цветник!
Какое мужество! Какая сила!
Учителю пеняет ученик.

Усопший благородно не ответит,
А может быть безмолвно проклянёт.
Кто знает, что в конце тоннеля светит,
И можно ли пройти по Стиксу в брод?

Покоя нет: ни в жизни нет, ни в смерти.
Покойника покой привёл в тоннель,
Где с факелами ищут душу черти,
Не вызванную Честью на дуэль.

Квадрат Малевича? Чернее в кубе!
Там в звёздах всё – космическая сныть!
Меня не знают, но уже не любят,
И жизнь мою не могут мне простить.

Не заслужил ни рая я, ни ада,
И пухом станет мне земная твердь.
Не можете простить мне жизнь – не надо!
Тогда простите мне хотя бы смерть!

И.М. Яралиеву

Я впервые побывал в Дербенте,
В городе, который помнит всё.
В цитадели, крепости-легенде –
Пыль времён её не занесёт.

Я стоял в густой тени инжира,
Пил вишнёвку, осетрину ел.
Я увидел явь другого мира
И благоговейно обомлел.

Мне сказали: “Стха, а ну-ка квас пей!”
Персик с ветки лучше, чем с лотка.
Инш Аллах узнать, как нежен Каспий
К тем, кто прилетел издалека.

Солнечным дыханием согретый,
Правит древним городом Имам.
Там летит печаль из минарета.
Град ИерусЕлим, ИерусалАм.

Пятьдесят веков – да, город старый,
Он на самом деле втрое стар.
В нём поёт Селимчик Алахяров,
Прославляя гордый Лезгияр.

В песне вечность кажется моментом.
Щедрый мир богатой красоты.
О, Аллах, склонившись над Дербентом,
Сделай, чтоб он вечен был, как Ты!

М.А. Алахъяровой

Можно ли с чистой душою
Жить в человеческой стае?
Можно ли верить в большое,
Образами расцветая?

Можно ли жить – не скупиться,
Жить – не торгуя талантом?
И не взирая на лица
Не становиться мутантом?

Сброд кровожадней, чем коршун,
Зависть и жадность – похожи.
Сильный поёт то, что должен,
Слабый поёт то, что может.

Кто: соловей или кочет –
Песнями мир этот движет?
Каждый поёт то, что хочет,
Каждый по-своему слышит.

Петь мимо нот интересней
Мимикам пресным и кислым.
Жизнь превращается в песню,
Песня становится смыслом.

Юлии Коган

Когда потомкам пращуров не жалко,
Их быстрый строгий суд похож на блиц,
История напоминает свалку
Вердиктов, мнений, грёз и небылиц.

Потомки – это те, кому виднее:
Большое видится издалека.
И флаг у них белее и синее,
И не дрожит их щедрая рука.

Не дремлет ум: коптит-дымится кратер,
И не краснеет чёрно-белый лист.
Поэт – философ-экспериментатор,
Читатель же – фискал-вуайерист.

Планета состоит их тех же кварков,
Что и всегда, уж миллионы лет,
И ей от нас ни холодно, ни жарко –
От наших тихих “да” и громких “нет”.

Меняются не атомы, а связи.
Из этих связей время состоит,
И копошатся в драгоценной грязи
Расстрига, еретик и неофит.

Кто прав из них, известно только предкам.
Кто судит о дороге по следам?
И что такое ствол? Большая ветка
Той смоквы, от которой съел Адам.

Л.Г. Афанасьевой

Темнеет. Расширяются зрачки.
И звуков меньше, но они всё чётче.
О том, что я готов отдаться ночи,
Вокруг телеграфируют сверчки.

Холодный липкий страх сотру со лба.
У всех нас – разных – жребий одинаков:
Зависят кроссинговер и судьба
От звёзд, от чисел и от тайных знаков.

Жизнь – электромагнитная волна:
В ней всё зависит от длины и вектора.
Лишь в промежутке видимого спектра
Нам суть её становится ясна.

Предназначения иного нет,
Чем понимание, зачем ты нужен,
И для чего тобою мир разбужен
И взбудоражен – вот ведь в чём секрет.

Жизнь – хаос: приспособиться нельзя.
Зачем ты здесь, капризный и отважный?
Не умирать – мне жить на свете страшно.
Не кровь роднит! Сопутники – друзья!

Но сколько их от Миши до Адама,
Боровшихся и умиравших тут,
Напрасно вырывавшихся из пут

И выползавших из бездонной ямы?

И сколько женщин тут соблазнено,
И сколько денег выброшено в поле,
И сколько радости, и сколько боли
Потрачено, чтобы понять одно.

Прожить всю жизнь, в эмоциях горя,
Вращаясь с миром по его оси и
Веря, что стал предком для Мессии.
Не жаль и умереть – ведь жил не зря!

Я очень рад тому, что мы не вместе,
Что эти слёзы не из-за тебя,
Что я не жду, когда дурные вести
Придут, тревогой душу теребя.

Мне нравится, что мы живём недолго,
И сколько здесь ко мне ни привыкай,
Я душу разобью на сто осколков,
Судьбе-садистке обломаю кайф!

Какая-то нелепая досада!
Сижу на мЕли, а не на мелИ.
Твоих лобзаний мне уже не надо,
Но смайлик мне со звёздочкой пришли!

Эльмире Галеевой

Гриб с водорослью счастливы вдвоём,
И им ли верить эфемерным грёзам?
Мы счастье их назвали “симбиозом”,
Ведь сами мы по правилам живём.

Душа об искру Божью обожглась,
И надо ж водоросли в гриб влюбиться!
Не одобряет эту страсть грибница,
И тина не приемлет эту связь.

И Водяной их гонит из воды,
Но их совместный путь смертельно долог.
За ними наблюдает лишенолог,
Выдёргивая фант из бороды.

И для чего их только Бог создал?
Таковыми! И пускай таких немного,
Кто против “малых сих”, тот против Бога.
Но кто из нас Его не распинал?

Мы гоним всех, кто не понятен нам,
И истину, пожертвовав морали,
Мы грезим о бесплотном идеале –
Но нужен ли Всевышнему наш храм?

Мир амфотерен: ни добра, ни зла.
Инертна золотая середина
В судьбе амфибии и андрогина –

Историю мораль оболгала.

Ни хорошо, ни плохо – просто данность.
От скептика Бог жертву не возьмёт.
Не все на свете слышат восемь нот
И знают то, что смех сквозь слёзы –
пряность.

Довольно тибидохать бородой,
И над невидимой рукой не смейся,
Ведь “дух вина” не разделить водой,
Когда они в азеотропной смеси.

Прополет будущее смех от слёз,
Но в настоящее не лезь рукою.
Да здравствует счастливый симбиоз,
Лишающий Вселенную покоя!

Да здравствует невидимая связь,
Объединяющая электроны –
Огромный симбиоз, где миллионы
Считают, что их жизнь не удалась.

Жизнь под копирку, жизнь под трафарет,
По прописям, по правилам. Распутье!
Эмоции сольются в чувство ртутью:
Всё правильно, а счастья в жизни нет!

Нет в жизни счастья – чёрт его возьми!
И совесть душу рвёт и жизнь ломает,

А человек смеётся над людьми,
Которые его не понимают.

Уверен, есть товарищи на вкус,
Но смерть не даст мне мудрости на вынос.
Я весь из недостатков... это минус?
А симбиоз двух минусов – не плюс?

Так вышло, и причина тут не в звёздах –
Никто не обрезал шипы у роз.
Рос человек, в среде подобных рос,
А вырос индикатором на воздух.

Надежде Лазьковой

Чёрный человек на негативе –
Кто бы мог узнать поэта в нём?
Нестерпимо этот мир противен –
Как мы только в нём с тобой живём?

В памяти о будущем нет грусти,
Счастьем захлебнуться я не смог.
Патриот глухого захолюстья –
Обо мне запомнил Бог.

Я не верую – я ощущаю!
Яд сомнений – самый страшный яд!
Мудрые доверчиво прощают,
Глупые завидуют и мстят.

Истина давно уже не в моде.
Людовед и человеколов
Сыто рассуждают о народе –
Людах, ждущих хлеба, а не слов.

Я не вправе осуждать счастливых –
Для чего-то и они нужны.
Счастье прячет истину в крапивах
Зубоскальножгучей тишины.

Быстро израсходовал силёнки:
От себя смертельно устаю.
И на чёрно-белой фотоплёнке,
Злясь, седого негра узнаю.

В тишину вопьюсь сильней клеща я,
Не пойму – почувствую: жизнь – яд!
Мудрые доверчиво прощают,
Глупые завидуют и мстят.

Ольге Соловьёвой

Паутиной воспоминаний
Затянуло мою печаль.
Кто ты, предок мой обезьяний?
Я не твой ли Святой Грааль?

Кто водой наполняет реки,
Кто огнём насыщает газ,
Ставит опыт на человеке
И выглядывает из глаз?

Кто ты, кто ты, l'enfant terrible?
Нет занятий важней игры.
Я в стихах исчисляю прибыль
Беспортошной судьбы дары.

Я согну её в рог бараний
И прицелюсь глазами вдаль,
Чтоб трясина воспоминаний
Засосала мою печаль.

Я многого не понимаю в жизни.
Жизнь – это некоммерческий проект,
В ней хитростью повержен интеллект,
В ней прогорает жмот на дешевизне.

Дарёный конь дешёвого коня
Желаннее, а стало быть, дороже.
Сомнения стремительней, чем дрожжи;
Ошибки – вот, кто вырастил меня!

Родные до смерти в объятьях душат,
Никто страшнее друга не предаст.
Всё лучшее в моей душе – балласт,
В ней настоящее легенды рушит.

Инфекция – вот, что роднит людей,
А смерть – антибиотик, это ясно.
Но как же малодушие заразно!
Я – сказочник – едва ли чародей!

Печаль – эмоция, а не проблема.
Не кубик Рубика ли – мой геном?
Я знаю всё – мечтаю об одном:
Прожить, как Немо, под водою немо.

Раздать всё то, что нажил впопыхах,
И перепрыгнуть солнце с небом в луже,
Но демона не выпустить наружу
Ни в музыке, ни в красках, ни в стихах.

Душа в недоумении клеймо трёт,
А я не сплю, но снится мне кошмар:
Моё проклятие – для многих дар:
Дарёному Трояну в хвост не смотрят!

Эльдару Шхашемишеву

Есть уникальная способность у красавиц
Сподвигнуть душу на прыжок-полёт,
Но террактово-шагренева зависть
Покоя старой ведьме не даёт.

Живу в доверии котёночно-щенячьем,
Не всё, что стоит денег, стоит слёз.
И зачастую, люди, мы о том не плачем,
О чём, увы, не думаем всерьёз.

Растрачу мудрость на бесплатные советы,
Они не выстрелят, не прорастут.
Кто знает вес души без брэнной плоти –
нетто?
Кто может выступать экспертом тут,

Где все живут впервой,
где ищут счастье в муках,
Где приблизительная точность фраз
Мечты и чаянья в метафорах и звуках
Возводит в летаргический экстаз.

СЕМНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ ПУТИ
Иллюстрации к картинам художника
Раисы Арефьевой

**Из электронного письма Раисы
Арефьевой Михаилу Фридману:**

Михаил!

Это просто фантастика!

Очень интересные, глубокие, на мой взгляд, в полной гармонии с соответствующими картинами твои стихи!

Меня порадовало такое разнообразие подходов стихосложения, живость, эмоциональность, чувственность, тонкость и изящество мысли. Получила большое удовольствие и порадовалась. Моя мечта тоже, можно сказать, сбылась - стихи на сюжеты этой серии моих картин написаны!

Я их читала и видела: их музыкальность, словно песня!

Как Николай, мой муж, говорит: “Это - песня!”

С уважением,
Раиса Арефьева

1.

Верлибр

Гул!

Гул, гул, гул, гул, гул, гул,
Лгу, лгу, лгу, лгу, лгу, лгу...

Лгу!

Потому что не могу

Молчать

И не могу

Найти подходящие слова,

Ибо не было тогда Слова,

И Мысли не было.

Но было Чувство,

Огромное Чувство,

Опыляющее Космос,

Рождающее Гармонию в Хаосе,

Взрачивающее Истину

И умерщвляющее Время.

Ещё до сотворения Звука

Был этот Гул.

Он и сейчас преследует

Тишину в моих ушах.

И я вижу то,

О чём думать невозможно,

А не думать – стыдно.

И всё-таки я вижу:

Душа летела Космос опылять.

2.

Танки

Душа летела,
Беременная смыслом,
Навстречу жажде
Всевидящего ока,
К Началу - в точке света.

Смотрю глазами Бога
На себя со стороны:
Душа попалась
В паутину времени.
Кокон – это начало.

Хокку

Никто не знает,
Есть ли жизнь после смерти.
Спроси бабочку.

3.

Белый стих

Земля была безвидной и пустою,
И Тьма над бездной простирала Тень,
И Вечность укрощала Тишину,
А Тишина сопротивлялась Гулу.

Вдруг в темноте слышались шаги,
И Маятник зацокал монотонно,
И Тот, кто знал, тогда засомневался:
Проскочит ли сквозь Амплитуду Жизнь?

Печалью вдохновлённый Созерцатель
Увидел Жизнь, точней её изнанку,
Где не попутно строчке с циферблатом –
И Прошлому Грядущее скормил.

Поскольку в этом мире всё по кругу,
Его часы всегда идут обратно.
С дистанции не сходит только слабый,
А сильный поворачивает сам!

4.

Триолет

Дотянись в прыжке до ноты,
Если хочешь полететь.
С неба ноты сеет кто-то –
Дотянись в прыжке до ноты.

До своей. Чтобы успеть
Спеть. Не выйдет – всё равно ты
Дотянись в прыжке до ноты,
Если хочешь полететь.

6.

Английский сонет

Прервать полёт восторженной души
Сомнением, взыскующим и тщетным,
Прислушаться к безудержной глуши,
Где явное считают незаметным.

Над пропастью болидом пронестись,
Чтоб метеор земли коснулся дланью
И променял всю собственную высь
На чьё-то сокровенное желанье.

Душа крылата: крылья вместо рук
При свете Бога властвуют над тенью.
Ей страшно то, что замыкает круг
Не жизнь, а смерть и вечное забвенье.

Кого не вынуждает сладкий плод
Прервать души восторженный полёт?

7.

Кребсганг

Детство не проходит никогда:
Тот же взгляд следит за тем же садом.
Нет ни бабушки, ни мамы рядом –
Годы облетают листопадом.
Детство не уходит никуда.
Знают только яблони в саду:
Цель всегда оправдывает средства.
Человеку жизнь дают в наследство:
В нём воспоминания из детства.
Отражается печаль в пруду.
Этим яблоням известно, как
Игры превращаются в реальность.
Это откровение – банальность(!):
Игры превращаются в реальность.
Этим яблоням известно, как
Отражается печаль в пруду.
В нём воспоминания из детства
Человеку жизнь дают в наследство.
Цель всегда оправдывает средства.
Знают только яблони в саду:
Детство не уходит никуда.
Годы облетают листопадом,
Нет ни бабушки, ни мамы рядом.
Тот же взгляд следит за тем же садом –
Детство не проходит никогда!

8.

Рондо

Не до сна. Ночь смотрит из окна.
Боже мой, как эта ночь длинна!
Грусть обглаживает душу ночью,
Мысль зреет ягодою волчьей –
Можно ль выбрать, если жизнь одна?

Ночь пройдёт – дожить бы дотемна.
Небо тучи разрывает в клочья:
Хочет увидеть меня воочию.
Я второй бокал допил до дна –
Не до сна!

Истина не каждому слышна –
Всех ли оглушает тишина,
Где мечты – старательные зодчие –
Созидают мир из многоточия,
Где к полёту чешется спина:
Не до сна.

9.

Французский сонет

Избавиться от тяготящих дум,
От самоопыляющихся споров
И укротить стихами хищный норов,
И натравить на ощущения ум.

Ничто к нам не приходит наобум,
И, чтоб засечь мечту, тут нет приборов.
Мы кто? Заложники немых укоров
На зависть всем, кто весел и угрюм.

Отдать себя на растерзанье снам,
Доверившись Тому, что где-то там,
Где рай граничит с адом – где-то между –

Жонглирует планетами атлант,
Меня жизнь на грусть, грусть на талант,
Талант на память, память на надежду.

10.

Хромой сонет

Лиловая дымка окутала скалы.
И волны в истерике бьются с утра.
Нет в данности этой ни зла, ни добра,
И носится дух над водою – Начало?

Учёный божился, что чайка кричала,
Поэт возражал: надрывалась гора.
На самом же деле звучала хандра,
Меня превращающая в идеала.

Так вышло: мы видим лишь то, что хотим.
Мне застит глаза фиолетовый дым,
Ресницами время листаю.

И белая птица нисходит с небес
Ни с веткой зелёною в клюве, ни без –
Как я: без гнезда и без стаи.

11.

Романс

Когда-нибудь завянут эти розы,
В пасьянсе жизни перепутав масть.
На грусть слетятся новые вопросы,
И я напьюсь воспоминаний всласть.

Когда-нибудь пройдёт пора разлуки,
И я смогу к твоим ногам припасть.
Меня обнимут иступлённо руки,
И я напьюсь воспоминаний всласть.

Когда-нибудь ты будешь не со мной —
Нас водит по судьбе слепая страсть.
Упрёк остынет гордой тишиною,
И я напьюсь воспоминаний всласть.

Когда-нибудь, услышав плач берёзы,
Найдя печаль, которой не украсть,
Польёшь безмолвно пахнущие розы,
И я напьюсь воспоминаний всласть.

12.

Ритурнель

Трушу
Себе признаться, что люблю печаль –
Господь печалью исцеляет душу.

Вижу,
Как в воздухе очередной завет
Зовёт меня: он с каждой мыслью ближе.

Режу
Терпение на мелкие куски,
Чем все чаще, тем осанна реже.

Глажу
Надеждой умудрённое чело,
Стирая тьму – космическую сажу.

Брошу
Печалью, облачённую в слова,
Свою неосязаемую ношу.

Трушу
Увидеть Бога с четырёх сторон
И променять спасение на душу.

13.

Внутренние рифмы

А если я живу тут для другого –
Для слова, что кого-нибудь спасёт.
И всё, что нужно мне – дождаться дня.
Меня тут многое интересует:
Я всеу Бога величаю “Я”.
Своя надежда ближе, чем чужая.
Стяжаю дни, а мог бы верить всем –
Зачем? Найду спасительное слово
Иову, с лапидарностью Басё –
И всё!

14.

Французская классическая баллада

Мы с тобою по крови не братья –
Мы роднее родных: ты и я.
Я тебя заключаю в объятия,
В горизонт своего бытия.
Мы с тобой не выносим вранья,
Не считаем планету большою,
И меня будит совесть твоя,
Воплотившись моею душою.

Нет, о нас не способен молчать я:
В наших спорах то пат, то ничья.
Две ладони с одною печатью,
Путь обоих – одна колея.
Пусть у каждого карма своя,
Воссоздал этот рай хорошо я:
В нём тебя искушает змея,
Воплотившись моею душою.

Есть ли жизнь у меня под кроватью?
Есть ли автор у песен ручья?
Кто шьёт лету цветастое платье?
И кто жнёт урожаи былья?
Что такое для близких семья?
Что такое для смертных чужое?
Не дай бог опустеет скамья,
Воплотившись моею душою.

Слушай, друг мой, надежда моя!
В горизонте тебя, за межою,
Ждёт космическая полынья,
Воплотившись моею душою.

15.

Большая секстина

Зачем, зачем вздыхаешь тяжело?
Признай: иначе быть и не могло.
Я вижу то, чего не видишь ты,
И в миг, когда ты опускаешь очи,
Передо мной проносятся мечты
Сценарием ненаступившей ночи.

Я долго ждал до наступленья ночи,
Я понимал, как это тяжело:
Прожить, не дотянувшись до мечты.
Тогда и счастье стать судьбой могло.
О, если б я, стыдясь, не прятал очи,
То от меня не ускользнула б ты!

Случайно ль повстречались я и ты –
Два отпрыска одной бессонной ночи?
Я лобызал уста, ланиты, очи,
Держа весь мир – да разве ж тяжело?!
О, если б это вечно быть могло!
Как страшно дотянуться до мечты.

Что украшает смертным жизнь? Мечты.
Я всё отдал бы, чтоб осталась ты.
Я чуда ждал, и чудо быть могло,
Но в полнолунной соловьиной ночи
Расслышать “да” бывает тяжело,

Но это “да” так жадно алчут очи.

Уста молчали, и молчали очи.
Сверчки всю ночь пасли мои мечты.
Хотел заплакать – плакать тяжело.
Надеялся, а вдруг вернёшься ты,
Напуганная мрачным ликом ночи.
Я верил, что всё сразу быть могло.

Молился: божество помочь могло –
И на меня взглянули б те же очи,
И счастье бы продлилось дольше ночи,
И я бы пережил свои мечты.
Но утром бы опять исчезла ты,
И мне бы стало снова тяжело.

О, если б на ночь вдруг осталась ты,
Я понял бы, как это тяжело:
Увидеть очи призрачной мечты.
Могла быть страсть, а счастье – не могло.

16.

Стилизация

Гой, вы, внуки-непоседы,
Я приехал к вам в Москву.
Шестьдесят пять лет Победы –
Кабы знал, что доживу?

А Москва-то вся чудная!
Город наш, а как не наш!
Я такой Москвы не знаю –
Хоть бери на карандаш.

Всюду пёстрые плакаты,
Все куда-нибудь спешат.
Знали б павшие солдаты,
Что их Родины лишат!

Что какие-то медведы
Будут за нос нас водить.
И что правнуки Победы
Будут в свастике ходить.

Что в героях усомнятся,
Звёзды сменят на кресты.
В мирном мире можно ль, братцы,
Помереть от нищеты?

Не хочу ничьей пощады:

Боль в груди страшной свинца.
Никому теперь не надо
Былей Книги про бойца.

Переправа, переправа –
Сколько прожито на ней?!
Кто тут левый? Кто тут правый?
Кто меняет тут коней?

Приложусь рукою твёрдой
И ума вложу – не жаль!
Правнук мой – в меня – не гордый:
Он согласен на медаль.

Что ему мои медали?
Школьник – смотрит свысока.
То, за что мы воевали –
Прахом или с молотка.

Память пальцами раздвину,
Обещал: коль не умру,
От Москвы и до Берлина
Все тюльпаны соберу.

Всё завяло – ну, да ладно!
Как во сне, но наяву
Со своею ненаглядной
Съездил к правнукам в Москву.

Глядь-поглядь: Москва – другая –

От начала до конца.
Я себя браню, ругаю
Победителя-бойца.

Не за то, что лез под пули,
Подставляя смерти грудь,
А за то, что обманули,
Что позволил обмануть.

На кого теперь сердиться?
Мы забыли про войну,
Проворонили столицу,
Пробаранили страну.

Никого судить не вправе –
Жизнь придумана не мной!
Мы живём не переправе
Между миром и войной.

Воевал не для Победы –
У меня она своя.
Дрался, чтобы непоседы
Жили радостней меня.

Верил власти беспробудно,
Шёл, пока не упаду.
Шёл за правнуков беспутных
И сейчас на смерть пойду.

Мне хотелось бы дождаться –

Мало ли, пора придёт.
И наступит счастье, братцы:
Вашим внукам повезёт.

Светлым будущим не грезит
Тот, кто рыл окоп со мной.
Наслаждайтесь сколько влезет
Необъявленной войной.

Побывал в гостях – приятно!
И ответили мне вы,
Для чего я шёл обратно
От Берлина до Москвы.

17.

Сплошной сонетный акrostих

Сегодня вырастает из вчера,
Мы учимся всю жизнь тому, как надо.
НАД ЦАрством яблонь сказочного сада
Тьма звёздами играет до утра.

Молчание дороже серебра,
Гнетёт меня бездонная досада
О воздухе, что медленнее яда –
Вдыхаю путь до смертного одра.

Естественно, к упрямым жизнь добра.
Никто не видел рая, лимба, ада,
Йог ищет путь к нирване, я – пощады.

Пускай ведут нас кроличья нора,
Терпенье Прометеевой лампы
И бабочка, что ползала вчера.

БАЛЛАДА РАНЕНОЙ ДУШИ

Рецензия на книгу Михаила Фрийдмана “Событие” (Светлана Носенкова /Королёва/, Литературная газета № 30 (6285) 28.07-03.08.2010 г.)

Мытищинский поэт, член литературного объединения имени Дмитрия Кедрина, Михаил Фрийдман в своих стихах затрагивает абсолютно все сферы жизни — от политики и социальных проблем до духовных поисков. Порой его строки имеют ироническую тональность, причём к самому себе тоже. Другой раз в них проступает жизненная мудрость, облачённая в афористичную форму. В подтверждение этому — три строки из разных стихотворений:

- ***Изнашивая плоть, разношиваю душу.***
- ***Наследственность преследует с пелёнок.***
- ***Ничего так не болит как память.***

Помимо разнообразия тем нельзя не отметить богатый словарный запас автора, выходящий далеко за пределы расхожих выражений. Михаилу удаётся сочетать научные узкоспециализированные понятия с молодёжным сленгом, не теряя при этом художественной выразительности. Его стихи одновременно выражают глубокие переживания и большие знания поэта. С помощью семантического варьирования слов, применения различных стилистических фигур и тропов, новых неизбитых рифм М. Фрийдман создал свой индивидуальный художественный

стиль, по которому автора легко узнать, даже если на распечатанном листе со стихотворением не будет стоять его имя.

Про что бы ни писал Михаил, какими бы литературными приёмами не пользовался, всегда в его стихах присутствует искренний интерес к устройству мироздания, попытка раскрыть секреты человеческих взаимоотношений и стремление к самоидентификации.

Недаром новая — четвёртая — книга Михаила Фридмана называется «Со-бытие. Баллада о неистовом себе». Потому что поэт не отделяет себя от тех, с кем он со-присутствует. Он един с миром, чувствует его боль, познаёт его мудрость, видит его глупость, ощущает пульс общей жизни:

***Любая эра не длиннее дня,
Но к жизни привыкаешь с первой ложки.
Вселенная — матрёшечка в матрёшке —
В матрёшке, так похожей на меня.***

Но это отнюдь не означает, что он со всем согласен. М. Фридман спорит с человечеством и с Богом, надеясь найти в этом столкновении мнений и понятий истину. Отсюда — неистовость, с которой он устремляется на её поиски, ярость от того, что она вновь ускользнула, и рождение новых сил для продолжения пути.

В книге много философских размышлений и исканий, которые автор иногда приправляет

заумью и скептицизмом. В то же время в ней присутствует тонкая, насыщенная яркими свежими образами лирика, открывающая совсем другого Михаила Фридмана — чуткого, доброго, немного робкого и очень ранимого. Такое разнообразие литературных амплуа делает его поэзию привлекательной как для наивных молоденьких барышень, так и для умудрённых жизненным опытом и убелённых сединами мужей. Впрочем, не думаю, что при написании стихов Михаил преследовал коммерческие цели. Просто он, как истинный поэт и неутомимый исследователь бытия, готов примерить на себя любую шкуру, пропустить через своё сердце чувства каждого. Ведь «стихи добывают подсочкой весенней души».

Из электронного письма Анны Зарубиной Михаилу Фридману (впечатление от книги “Со-бытие”):

Мишка, привет!

Я хотела сказать, что ты - молодец. Ты вообще молодец. Мне очень понравилась твоя книжка. Ты даже немножко стал лириком! И растешь от шага к шагу. Я очень ценю в тебе то, что ты постоянно растешь. Книжку читала сначала я сама, потом вместе с Сашей. Она сказала, что у тебя классный стиль! Главное, СВОЙ. Маме зачитывала. Она стоит в очереди (у меня), чтобы книжку почитать. Спасибо тебе за посвящение. Именно в нем я почувствовала, что в тебе живет и лирик тоже, но этот лирик остается тобой. А потом стала читать дальше, дальше... Ты разный, и ... таких, как ты, на свете больше нет! И слава Богу! А песни я рада дарить, если они по сердцу.

ЗАПРЕДЕЛЬНЫЙ "АНЧУТКА"...

1 февраля 2009г. в Малом зале Мытищинского РДКД «Яуза» состоялся творческий вечер поэта Михаила Фридмана. Первоначально вечер был заявлен как презентация второй книги «ЭКС-ТРАКТ». Однако, всех пришедших на вечер, ждал приятный сюрприз: к означенному мероприятию «подоспела» выйти третья книга поэта «АНЧУТКА» - кошуна о трансцендентном, как назвал её сам автор. Блестящая поэма, написанная в форме сказа, включает в себе поистине народные мотивы, выстраивает незаурядную линию литературных героев, отсылающим читателя к праобразному ряду всеобщего текста – человеческой жизни. «Поэму пронизывает трагическая, отчаянная ирония страдающего творческого сердца, ищущего в безликом людском муравейнике, в душном «человейнике» смысла жизни, счастья и справедливости» - написал во вступительной статье к поэме писатель, поэт Анатолий Апостолов.

Именно по этой причине презентация стихийно приобрела содержание творческого вечера, где выступающим была предоставлена возможность говорить о творчестве поэта Михаила Фридмана в контексте всеобщего

вклада в сокровищницу русской изящной
словесности.

Татьяна Романова-Настина /www.mytyshi.ru/

Владимир Климович
США, Калифорния

Был вчера мальчишкою Мишуткой
Нынче взвился,
В классики готов.
Поводырь его – шедевр “Анчутка”
Прост, как ГОСТ, для избранных умов.

Начал я,
 упал,
 был обессилен,
Но зато так кайфно в голове:
Из моих последних трёх извилин
После чтения выпрямились две.

Отошёл, продолжил и не спятил,
Снова на ходу и на бегу.
Миша, я – твой изданный читатель.

Не читать хочу,
Да не могу!

Порой в гипертоническом хмелю,
“Анчутку” положив под изголовье,
Я вспомню рифмовое Подмосковье
И то позлЮ себя,
То похваляю
За то, что Мишу Фридмана люблю
Отеческой безрозговой любовью.

Михаил Фридман

**ПРИБЛИЗИТЕЛЬНАЯ
ТОЧНОСТЬ**

**Мечты и чаянья в метафорах и
звучах**

Рисунок художника **Татьяны Лапиной**

В оформлении обложки **Андреем Беспаловым**
использованы работы художника **Раисы**
Арефьевой

**Примечаний в этой книжке нет: автор о своих
читателях очень высокого мнения**

© **М. Фридман, 2010**

© **Т. Лапина, 2010**

© **Р. Арефьева, 2010**

**Подписано в печать 25.08.2010 г. Формат 70x100 1/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.**